

Академия наук Татарстана
Институт истории

*Посвящается
тысячелетию
города Казани*

С.Х.Алишев

Источники и историография города Казани

Казань – 2001

УДК–947 .1 (9)
ББК 63,3 (Тат)
А 50

Редакторы: кандидат исторических наук Н.С.Хамитбаева,
С.С.Алишев

Объектом исследования этой книжки является отражение истории Казани в русской рукописной и иностранной печатной продукции XIII – XVIIвв. Источники освещали московско – казанские межгосударственные отношения, их политическую и общественную жизнь, а также некоторые аспекты устройства и вид города.

Предисловие

Дорогие братья и сестры!

Моя душа невидимыми нитями связана с духом казанских татар и их столицы Казани.

Славные дела основателей города, историческая действительность прошлого традиционно воодушевляли поколения веков. Память, никем неразгаданной своей сущностью, создавала дух народа, что воплощен в его столице Казани.

В середине тысячелетия город пережил страшное потрясение: мужское население было перебито, женщины и дети угнаны в рабство. Город на время стал русским.

Однако, вопреки ужасным невзгодам, несмотря на всякие притеснения дух булгаро– татарского народа не был сломлен. Постепенно Казань становилась его культурным центром. Она привлекала к себе трудолюбивых и смелых, умелых и талантливых сыновей и дочерей народа и продолжает притягивать их со всего мира по сей день. Казань вновь стала политическим центром и столицей Республики Татарстан. Моя душа – мой внутренний мир ощущений и чувств, мыслей и дум – сосредоточен в Казани.

Я не мог не участвовать в организации, написании, стараться всеми силами помочь в издании «Истории Казани» (Первая книга. Казань, 1988) Мы не могли также не организовать коллектив историков к написанию «История республики Татарстан» в двух книгах и многотомную (в 4–х книгах) «История татарского народа». Я начал издание своих трудов с публикации статей, очерков о движении татарских крестьян в 1773–1775 годах и книгой «Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании». Эта книга в свое время вызвала большое оживление среди читающей массы – отзывы –выступления в печати, баллады и стихи, пьесы, спектакли и т.д. Однако желание больше знать и ближе стать к своим предкам привело к тому, что я отодвигался от XVIII века все дальше, в глубь веков. Изучал историю татарского народа более древних веков, периода Булгарского царства, Золотой Орды и Казанского ханства. Писал статьи, очерки и книги. В результате появился ряд моих опубликованных работ по различным темам и проблемам исторического развития татарского народа. Всего на сегодняшний день мною опубликовано более 220 работ, в том числе 8 монографий. К примеру назову:

«Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI–начало XIX вв.» (Москва, 1990), «Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв.» (Казань, 1995), «Тернистый путь борьбы за свободу» (Казань, 1999) и др. Надо еще добавить издание трудов татарских историков, расстрелянных сталинским режимом Г.Ибрагимова, Г.Губайдуллина и Г.Атласи с арабского алфавита на кириллицу. Под непосредственным моим участием в организации, написании и издании книги коллектива авторов «Материалы по истории татарского народа» (Казань, 1995) шли 1992–1994 годы. Она была издана по инициативе и благодаря организаторской способности директора ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова М.З. Закиева.

Коллектив нашего отдела «История» работал над созданием «История республики Татарстан». Но времена менялись. В 1997 г. министр информации и печати мне заявил: «Лучше не ходи, Саям абый, на Вашу книгу денег нет». В 1998 г. мы забрали рукопись книги из издательства, но продолжали работать над созданием «История татарского народа» в четырех книгах. В 1999 г. закончили первую книгу, в 2000 г. ее редактировали. В этом же году закончили и вторую книгу. А 2001 г. нам опять говорили, что на издание Вашей книги денег нет. Наше руководство не может выделить денег на издание истории своего народа, так жаждущего знать о жизни своих предков с древних времен. Очень жаль!

Эта моя третья книжка, издаваемая на свои кровные деньги.

Преыдущие книжки «Историки. Татарский народ» и «Древний тюркский мир» вышли в Казани в небольших тиражах. А эта книжка также с небольшим тиражом. На большее у меня нет средств.

«Древний тюркский мир» рассказывал о тюрках – наших предках до нашей и в первом тысячелетии нашей эры. Сам я считаю, что это есть новая страница нашей истории. Об этом так никто еще не писал. Но никто и не отзывался в печати об этой новой странице. Очень жаль! Думается, неужели о данной книжке, о Казани в источниках тоже будут молчать. Ученый человек, как и другие, тоже нуждается в моральной и материальной поддержке и поощрении. Я бы хотел (просить я не умею), чтобы руководство и читатели не были равнодушными и относились бы внимательнее к таким трудам!

Вечно живи тысячелетний Казан – столица Республики Татарстан!

Об очерке «Источники и историография г.Казани»

Этот очерк должен ответить на вопрос: как отражена в русских письменных источниках история города Казани, как изучалась эта история историками, изображалась в исторической литературе в XIII–XVIII вв.?

Освещение процесса изучения прошлого какого–нибудь объекта или субъекта важное, но и трудное дело. Важное потому, что такой анализ обогащает наши знания, способствует исправлению допущенных ошибок в прошлом и приближает нас к реальной исторической действительности. Важное и потому, что последующие поколения ученых могут пользоваться более обширным материалом для разработки отдельных проблем исторического развития того или иного народа, государства, страны и города. Трудное потому, что разработчик–историк иногда полностью, ясно и точно не знает, когда сочинение прошлого достоверно, когда сочинитель писал на основе конкретно правдивых источниковых данных, а когда на основе своих эмоций, догадок или даже, сознательно сочинял неправду. Поэтому современному историку необходимо быть крайне осторожным в деле раскрытия реальной истины, критически анализировать произведения прошлого. Трудное и потому, что надо искать много разнообразных материалов, сравнивая их все вместе, найти правильную версию, сообщаемым в них фактам. Кстати надо отметить, что и сейчас еще имеются исторические сочинения, где допущены вымыслы и извращения, поверхностно, подсознательно или сознательно искажение истины.

Очерк «Источники и историография Казани» призван способствовать более правильному освещению истории нашего города и помочь всем тем, кто интересуется и изучает прошлое Казани.

Нашей целью является показ того, что сообщают о Казани наиболее важные источники определенного вида. Говоря об источниках мы не имеем в виду археологические, архивные или другие источники, а только письменные. Письменных источников много, сделать обзор по всем им мы не решились, так как цитирование кратких упоминаний о Казани в небольших записках или каких–то рассказах не привело бы к ясности изложения. Мы до сих пор ограничивались цитированием и публикацией отдельных источников, но, очевидно, необходимо попытаться дать комплексный обзор таких крупных видов источников, как русские летописи, письменные русские и иностранные сочинения и писцово–переписные книги Казани.

1. Русские летописи по истории г. Казани XIII–XV вв.

Казань впервые упоминается в Степенной книге в связи с женитьбой Ярославского князя Федора Ростиславича Черного на дочери хана Золотой Орды Менгу Тимура. Это было в 1277 или 1278 г. По Никоновской летописи именно в эти годы «царь 3 лета держал его у себя» (1).

В Степенной книге сказано: «Хан даруя ему (Федору) грады многи, яко тридесять и шесть; в них же Чернигов, Болгары, Кумане, Корсунь, Туру, Казань, Арск, Гормир, Балыматы» (2). Дело заключалось в том, что у Ярославского князя Федора Черного умерла жена Мария и Ярославцы в отсутствии отца провозгласили своим князем его сына Михаила. Федор был красивым и статным мужчиной. Жена царя Менгу Тимура полюбила его и стала хлопотать относительно его женитьбы на своей дочери. По разрешению Византийского епископа дочь Менгу Тимура крестили и отдали за Федора. Таким образом, Казань стала известна русским через золотоордынцев. Никоновская летопись, кажется, не упоминает об этом событии, хотя и является обобщающим сводом русских памятников. Непосредственно о Казани она пишет только под 1361 годом такими словами: «В 1361 г. Булат Темир овладел Казанской Болгарией», а под 1372 г. уже прямо указывает «московские полки приближались к славному городу Казани» (3). Зато в этой летописи есть другая интересная запись, а именно: В лето 1229. «Болгаре, глаголемии Казанцы». Что это означает? Указывает на существование города в это время или на болгарское население, живущее на реке Казанки? На наш взгляд, название «казанцы» возникло не по имени реки, а по имени населенного пункта, т.е. города Казани. А некоторые исследователи писали, что «последние два слова представляют собой позднее дополнение составителя (середина XVI столетия) в летописное сообщение XIII в.» (4). Однако такое утверждение опровергается данными других источников. В Хронографе западной русской редакции 1512 года так же написано «болгаре иже наричются Казанцы», «безбожные агаряне Болгарские, иже глаголются казанцы» (5). Это написано под 1172 годом, еще раньше, чем Никоновская летопись. Хронограф сам составлен и отредактирован в начале XVI в., тоже раньше Никоновской. Да и Никоновская не один раз говорит о Казани такими словами как «болгары, еже есть Казань»,

«Болгаре рекше Казань» (5а) Судя по тому как о Казани пишется в разных летописях в 70 годах XIII в. Казань и казанцы были уже известны в народе с XII или даже XI веков. В XIII–XIV вв. она уже вошла в сознание людей.

Известно, что в Камско–Волжской Булгарии процесс феодальной раздробленности начался еще до монголов. Видимо, с XII в. целое Булгарское государство начало делиться на несколько эмиратов, например на Булгарское, Казанское княжества по русской терминологии. Н.М. Карамзин по поводу событий 1260 годов писал: «Моголы... более и более распространяли свои завоевания и через Казанскую Болгарию дошли до самой Перми» (6). Казанский округ с центром Казанью был несколько отделен от центральной части Закамской Булгарии речным рубежом. Название Булгария и Булгар давили над другими названиями округов и их городов. Поэтому в источниках XI–XIII вв. мало встречаются имена других городов и эмиратов, все они включены в понятие Булгария. В Хронографе 1512 г. отмечено так : князь Андрей Боголюбский в 1164 г. напал « на безбожных Агарян Болгарских, иже глаголются Казанцы, и взяша четыре града их, а пятый Бряхимов на реке Каме, и град заполиша и дань на них положи» (7) Здесь четыре города не названы, Бряхимов – это не «Великий город Булгар» на современном Билярском заповеднике, а Булгар на Камско–Волжском междуречье. Среди городов вполне могла быть и Казань. Такие же первоначальные данные встречаются в Степенной книге и других летописях.

По сообщениям многих летописей русские князья совершали грабительские походы на булгаро–казанские земли в 1164, 1171, 1183, 1186 годы и перед монгольскими завоеваниям в 1203, 1220 годах. Болгары–казанцы три раза просили о заключении мира, приносили им богатые дары и лишь в 1229 г. был заключен мирный договор на шесть лет.

Все летописи освещали события монгольских завоеваний. Однако ни одна из них не упоминает о Казани, сообщая в целом о Булгарии, русских городах и княжествах. Естественно, что русские летописи писали о своих, а не об отдаленных, чужих городах. По данным археолога профессора А.Х.Халикова монголы в 1236–1237 гг. не были в Казани, по археологическим раскопкам следов разрушений и пожаров не обнаружены. Лишь при подавлении восстания 1270 годов монголы разгромили Казань. После чего жизнь в Казани, очевидно, захирела, но совсем не прекращалась. Поэтому летописи за XIII век говорят о ней

мало. Известия о Казани в летописях участились во второй половине XIV в.

Никоновская летопись под 1370 годом сообщала: «В лето 6878. Тое же осени князь Дмитрий Константинович Суздальский и Новгорода Нижнего, собрав воинство много, послал брата своего князя Бориса Константиновича и сына своего Василия Дмитриевича, а с ним посол царев именем Ачихожа, ратью на Болгарского князя Асана, еже ныне глаголются казанцы. Князь же казанский Асан послал противу их с молением и челобитьем и со многими дары; Они же дары взяша, а на княжении посадиша Салтан Бакова сына, и возвратишася в Новгород в Нижний» (8). Еще до этого русские ушкуйники (речные разбойники) разграбили болгарские города Жукогин. В связи с этими событиями историк Камско–Волжской Булгарии А.П.Смирнов писал, что за ушкуйниками последовали планомерные походы русских князей. Интересно, что в походе участвовал золотоордынский посол Ачихожа. Значит, наступление на Казань совершалось с разрешения золотоордынского хана или всесильного временщика, темника Мамая. Нападение на Казань не считается нападением на Золотую Орду, и Казань выступает как самостоятельная столица государства. Через шесть лет – под 1376 годом летописцы сообщают следующее: «... той же зимы князь великий Дмитрий Константинович Суздальский посла детей своих, князя Василия и князя Ивана, на Болгары, рекше на Казань, а князь великий Дмитрий Иванович Московский (будущий Дмитрий Донской) воеводу своего, князя Дмитрия Михайловича Волынского; и приидоша к Казани месяца марта в 16 день. Казанцы же изыдоша из града противу их стреляше из луков и из самострелов, а иные гром пущаюше з града, страшаще русское воинство, а иные выехаша на верблюдах кони русских вои полашающе. И поможе бог князем русских и вгоняша их в град; князи же Казанстии Асан и Махмет Салтан добиша челом великому князю и даша откуп з града великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому тысячу рублей, а воеводам и ратем 3000 рублей; и всю свою волю сотвориша, и дарогу и таможенника посадиша в Казани, и возвратишася во свояси» (9). Русские князья, как видно, продолжали свои походы на болгаро–казанские земли с целью грабежа и обогащения, и Хасан и Махмут Салтан спасли свои города от разрушений только уплатив откуп. А.П. Смирнов считает, что здесь Хасан казанский, а Махмут Салтан болгарский – ханы. (10) Интересно и то, что здесь же впервые упоминается о пушках

– «гром пушающе с града». Считалось, что пушки, « тюфяки» по русски, заимствованы были Россией из Германии. Однако ленинградский историк В.В. Мавродин опроверг это мнение и доказал, что пушечное дело в Московию в 70–х годах XIV столетия перешло из Булгарской земли. (11) Еще один важный вопрос в этом сообщении – это то, что на Средней Волге распространяется русская власть. Прежде даругу–администратора центральной власти и таможенника – сборщика налогов назначала Золотая Орда, а в 1376 г., как видно, в результате победоносного похода их начал назначать московский великий князь. Опять таки это показывает прекращение действий золотоордынских властей на Булгаро–казанской земле и относительную самостоятельность Казанского государства. Долго ли действовали русские администраторы в Казани точно неизвестно, но, на наш взгляд, до 1381 года, когда Тохтамыш хан установил свою власть и над Средней Волгой и над русскими княжествами.

Война 1391 и 1395 годов между Тохтамышем и Тамерланом кончилась поражением Золотой Орды. Но Казань не пострадала. События в Казани 90–х годов показывают на вполне самостоятельную и стабильную жизнь столицы государства. В 1395 г., рассказывает Мазуринская летопись, «Казанский царь Октяк (по другим Ентяк) с своими погаными татараы его же подвиге с собою на помощь себе князь Семеон Дмитриевич Суздальский, приидоша ратовати Новгорода Нижнего» (12) Как видно, в глазах летописца правитель Казани уже царь, который в такое тревожное время счел возможным со своим войском вмешиваться в междоусобие суздальских и нижегородских русских князей. Под 1396 г. Московский летописный свод конца XV в. сообщает: «а князь великий слышав се и собрата рати многы посла брата своего князя Юрия Дмитриевича, а с ним воевод и старейших бояр и силу многу. Он же шед взя город Болгары Великие и град Жукотин и град Казань и град Кирменчук и всю землю их повоева и много бесермен и татар побиша, а землю татарскую плениша. И воевав три месяца возвратися с великою победою и с многою корыстью в землю Русскую» (13). Такой же опустошительный грабительский поход совершили русские князья и в 1399 г.

Если в конце XIV в. в Казани во главе государства стоял Ентяк хан, то в 1412 году правителем был Талыч хан. В 1415–1418 годах в Казани, именовавшейся нередко Новым Булгаром (Булгар эл Джадид), чеканились собственные монеты от имени Гиас эд Дина (13а).

Летописи до 1440–х годов о Казани почти не упоминают. Видимо внутренние дела и отношения с западными странами и Золотой Ордой отвлекли внимание летописцев от Казани.

Последний раз они писали о городе Булгаре (Бряхимов) в 1431 г., когда Московский великий князь «по неизвестным причинам» посылал своего воеводу князя Федора Пестрого на Среднее Поволжье, который «шед, воева их и всю землю плени» (14). Город Булгар был окончательно разрушен и больше уже не упоминается в летописях. Дальнейшие сведения летописей связаны с именами Улу Мухамеда и его сыновей. Рассказываются события 1438–1445 годов: о Белевском сражении, кочевании Орды Улу Мухамеда в мещерских землях, о зимовке их в старом Нижнем Новгороде (наверное в татарской части города), нападение отсюда на Муром и т.д.

О Суздальском сражении сыновей Улу Мухамеда с московским великим князем Василием II писали все летописи – одни вкратце, другие подробно. Типографическая летопись писала: «В лето 6953 июля 7, бысть бой великому князю Василию Васильевичу под Суздалем с царем Мамотеком, и многих на бою том избиша, а великого князя Васильевича и брата его князя Михаила Андреевича роуками яша. (взяли в плен). а князь Иван Андреевич бежа сечен з бою того, и множество избеено быст, князя же великого ведоша с собою» Львовская летопись сообщала: «... великого князя пожаловали, утвердив его крестным целованием, что дати ему с себе окуп, сколько может, отпустиша его с Курмыша на Покров день, октября 1 день» (15). Сыновья Улу Мухамеда Махмут (русские его называли Махмутеком, чтобы не путать с Улу Мухамедом) и Якуп Василия II привели в начале в старый Нижний Новгород, очевидно, к больному отцу, отсюда двинулись в крепость Курмыш. Здесь Улу Мухамед умер. Видимо за упокой души умершего был освобожден князь Василий II и другие пленные. В то время такой обычай, как освобождение пленных и рабов за упокой души, широко применялся у мусульман.

Махмут двинулся к Казани, которую взял с боем. Другие братья Касим и Якуб пошли на юг, а затем на Русь. Воскресенская летопись писала: «тое же осени (в октябре) царь Мамотек, Улу Магметов сын, взял город Казань, вотчича Казанского князя Либея убил, а сам сел в Казани царствовать» (16). Никоновская летопись вместо Алибея писала «Азый» (воитель). Таким образом, в Казани произошел переворот,

Булгарская династия была ликвидирована, установилась золотоордынская династия Улу Мухамеда. В историографии есть мнение, что именно Улу Мухамед основал город Казань и образовал Казанское ханство. Однако, ни одна из летописей, и ни один из других достоверных источников, передавая сведения об Улу Мухамеде, ничего не пишут о его связях с Казанью, не сообщают не только об основании ее Улу Мухамедом, но и о том, что он когда-нибудь подходил к Казани. Знаток древнерусских, не дошедших до нас летописей и других записей, В.Н. Татищев писал, что Улу Мухамед сначала «засяде в Белеве», оттуда «пойде хан к Новгороду Нижнему и засяде в старом Новгороде Нижнем». После похода в Муром «возвратился к Новгороду, к Нижнему Старому, в нем живяше» Оттуда же он в 1445 году отправил своих сыновей против московского великого князя Василия (17).

В Казани начал царствовать Махмут, сын Улу Мухамеда. Касим и Якуб на Руси присоединились к группе князя Василия II против Дмитрия Шемяки и участвовали во вторичном воцарении Василия II. После воцарения Шемяки в 1446 г. в 1447 г. шли боевые действия против Шемяки и Василий II победил. Касиму и Якубу за активное участие в делах великого князя в 1449 году были пожалованы города Звенигород, Талдом и Яхрома. В 1450 году они участвовали при окончательной битве против Шемяки за город Галич. В 1450 годах Касиму был пожалован Мещерский городок на р.Ока, впоследствии названный Касимовым.

Академик В.В. Вельяминов – Зернов писал, что Касимовское ханство было создано «как буферное царство» между Московским княжеством и Казанским ханством (18). Я думаю не только это. В то время Нижегородское и Рязанское княжества сохраняли еще свою независимость от Московского княжества. Москве надо было как-то ослабить эту самостоятельность с одной стороны, а с другой, держать под контролем мещерские земли, где владельцами выступали многочисленные татарские беи и мурзы.

В литературе есть и другое мнение, когда пишут, что, якобы, до прихода золотоордынской династии в 1445 г. существовало Казанское княжество, а с приходом Махмутека оно стало ханством. Якобы образовалось новое государство, что Казанское ханство есть наследник и продолжатель Золотой Орды. Представителям этой точки зрения нет никакого дела до булгаро-татарского народа, который своих правителей никогда не называл князьями, а свое государство княжеством. Эти прави-

тели именовались эмирами, патшами или ханами, а золотоордынские властные структуры и порядки задолго уже до этого были установлены.

Еще одно замечание. Н.М. Карамзин, ссылаясь на польского писателя Стриковского, писал, что, якобы, в 1442 году князь Василий II с помощью «царя Казанского, ходил к Вязьме» (19) Этим царем не может быть Улу Мухамет, или Махмутек, так как они были враждебны к Василию II. Вряд ли это мог быть «Либей»– Алибей, он не мог бы пройти большое расстояние до Москвы. Дальнейшие события развернулись следующим образом. В 1446 г. весной царь Махмут совершил поход на Галич и Устюг. «Того же лета на весне, на самы велик день приходили татарове казанские ратью на Устюг: стояли под городом 3 дня... и ушли» (20). Очевидно поход был совершен из-за не выплаты выкупа из плена Василия II. Воцарившийся тогда Дмитрий Шемяка, конечно, не платил за Василия, тем более Улу Мухамед к тому времени уже умер. С такой же целью, пожалуй, был совершен поход и в 1448 году. «В лето 6956 в говение Филиппово, царь Казанский Махмутек, послал всех князей своих с мною силою воевати отчину великого князя, Володимер и Муром и прочая грады : слышав же то князь велики посла противу их князя...» (21). Противоборство кончилось ничем. После этого Махмут царь утихомирился. Но, Василий II предпринял враждебные действия и в 1461 году, как отмечают Уваровская летопись и Московский летописный свод конца XV века, «князь велике поиде к Володимирию, хотя ити на Казанского царя. Бывшу же ему в Володимере и ту приидоша к нему послы ис Казани и взяша мир» (22).

До 1467 г. летописи почти все молчат. В этом году все они в один голос известили о начавшейся войне между двумя государствами. Новгородская четвертая, Софийская и Мазуринская летописи сообщили: 14 сентября 1467 года «великий князь Иван Васильевич посылал царевича Касима, с ним же и воевод своих со многими людьми Казани на царя Абрейма, и не успеха ничего же» (23). Об этой войне 1467–1470 гг. в Никоновской летописи написано на страницах 118–123, в Воскресеньской – 152–158 страницах. Мы не будем описывать весь ход этой войны, так как она достаточно полно освещена во многих исторических трудах прошлого (начиная с С.Герберштейна до М.С. Соловьева) и в следующих современных книгах: История Казани.– Т.1.– Казань, 1988; С.Х. Алишев. Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV– XVI вв.– Казань, 1995. и др. Отметим лишь: причиной начала войны было

желание русского великого княжества посадить на престол Казанского ханства своего служилого царевича, Городецкого хана Касима, что подтверждает мнение В.В Вельяминова –Зернова о возможности вмешательства в дела Казани, используя Касима. Как известно Касим был братом Казанского хана Махмута. Махмут умер в 1467 г. От него остались два сына: Халил и Ибрагим. Ханом стал старший Халил, женатый на знаменитой Нур–Салтан. По обычаю жена умершего брата должна была выйти замуж за другого живого брата. В данном случае, жена Махмута вышла за Касима, а жена Халила Нур–Салтан за Ибрагима. В Москве считали это обстоятельство очень удобным случаем для предъявления требования к казанцам о провозглашении Касима ханом Казани. После неудачного похода Касим умер. Это очевидно так, поскольку в последующих военных действиях Москвы против Казани он уже не участвовал.

Надо отметить и то, что война ни к чему не привела. Делая выводы о войне 1467–1470 гг., С. М.Соловьев писал: «В четыре описанные похода ничего не было сделано; весь успех ограничивался опустошением неприятельских областей, за что казанцы также не оставались в долгу; сожжение казанских посадов Руном не могло вознаградить за потери, понесенные отрядом князя Ярославского, мало того, – выгода была явно на стороне казанцев, потому что им удалось подчинить себе Вятку» (24).

Однако вскорости Вятская земля вышла из повиновения Казани и стала самостоятельной республикой. Воспользовавшись удобным моментом Ибрагим хан в 1478 г. совершил поход против г. Хлынова. В течение 4–х недель казанские отряды наступали, но г. Хлынова взять не смогли. В Архангелогородской летописи написано: «В лето 6986. Царь Абреим Казанский приходил на Вятку в мясопуст великий, села и волости повоевал, а града не взял не единого. А на Устюг пошел был, ино Молома река была водяна, нелзе итти; и он шед один день, да воротися». (25) Это было зимой, а весной того же 1478 года великий князь Москвы Иван III организовал поход на Казань. Типографическая летопись констатировала: «Того же лета посла (л) князь великы воевод своих князя Симеона Ивановича да Василия Федоровича Образца и с ними множество воинство в соудах к Казани. Они же плениша землю их по Волзе, множество изсекоша, а иных плениша и приводиша к граду» (26) А Львовская летопись заявляет, что войны не было. Такие же, иногда разнообразные сообщения даются в Воскресенской, Никоновской и

других летописях. Некоторые летописи сообщают поход русских сил и в 1482 г.

Очень важное событие, имеющее принципиальное значение, произошло в 1487 г.

Все летописи сообщают о происшедшем в этот год перевороте в Казани, о том, как русские воеводы с большими силами взяли Казань и, свергнув царя Алихана, посадили на престол ханом Мухамет Амина, послушного Москве сына Нур Салтана и посынка крымского хана Мингли Гирея, союзника Ивана III. В Устюжской (Архангелогородской) летописи написано: «В лето 6995. Князь великий Иван Васильевич посла рать на Казанского царя Аляхама, (Алихана, Ильгама) а воеводы были князь Данило Холмский да князь Семен Романовски и пришла сила великого князя под Казань, и конная и судовая вся. И царь Аляхам из города ис Казани со князьями своими и силою выехал против воевод великого князя, мало побився и в город побеже. А воеводы город Казань обьесли и острог около города доспели. Един князь татарский именем Алгазый со царем в город не полезл; тот зло много чинил великого князя, а после того князя сила великого князя прогна за Каму в поле» (27). Воскресеньская летопись уточняет: «Тое же весны, апреля 11, отпустил князь велики Иван Васильевич всея Руси воевод своих х Казани, князя Данила Дмитриевича Холмского, да князя Александра Васильевича Оболенского, да князя Семена Ивановича Рязполовского, да князя Семена Романовича, в четверток великий, а царя Махмет Аминя Казанского отпустил князь великий на другой недели по Велице дни во вторник 24 апреля» (28).

По данным летописей войска подошли к городу 18 мая и взяли его 9 июля, т.е. город оборонялся 51 сутки. В конце «приде на царя и на татар изнеможение». Мазуринская летопись добавляет: «Лета 6995 го июля в 9 день воеводы же великого князя князь Данил Холмский и прочии воеводы болгарский град Казань взяша и царя Казанского Алегама поимаша и с царицею, и матерь ево, и братию ево, и с сестры его изымаша, и всех их привели к великому князю на Москву» (29). Москва торжествовала: звонили во все колокола «молебная свершиша и хвалу богу воздаша» (30). В другие страны были отправлены послы с вестью о взятии г.Казани.

С семьей пленного царя Казани Иван III расправился жестоко. Алихан с женами (их было 2) был заточен в Вологодской тюрьме. Царица

Фатыма, мать Али хана с детьми была отправлена в отдаленную крепость – Каргополь на Белоозере. Русский писатель исторических романов И.И. Лажечников в своем романе «Басурман» о состоянии семьи Алихана в заточении, еще до их ссылки, писал следующее. В Московской тюрьме их посетил Иван III с немецким врачом. «В первом отделении нашли они семейство татар. Мужчины и женщины – мать и сын, муж и жены, братья и сестры – все валялись кое–как, кто на лавках, кто на полу. Нечистота и духота были нестерпимые. Бледные, истомленные лица, униженный вид говорили живее слов о несчастном их положении». Немец врач заключил, что они скоро умрут. Иван III подумал и решил «надо на всякий случай сохранить их». Одна из жен, когда Алегам поклонился Ивану III воскликнула: «Что делаешь, царь Казанский?» (31) То была красавица Эрбет, вышедшая впоследствии замуж за Мухамет Амина. Остальные князья и уланы казанские, попавшие вместе с Али ханом в плен, были «казнены смертью» Иваном III (32).

В 1487 году установился протекторат Московского великого княжества над Казанским ханством. Мухамет Амин вынужден был вести политику по указке Москвы через находящегося при нем русского воеводы. Один пример из Никоновской летописи: Князь великий «а казанскому царю Махмет Аминю велел послати воевод своих с силою вместе с царевичем и великого князя воеводами» (33) на Ахматовых детей. Дело в том, что в 1491 году золотоордынские царевичи во главе с сыном Ахмат хана Сеид–Ахметом шли в Крым против Мингли Гирея. Против них выступили соединенные силы союзников во главе с Касимовским царем Сатлыганом. Мухамет Амин по «велению» Ивана III отправил свои войска под командованием «Абаш улана да Альякши князя, да Бедыря князя Итакова брата, да Имирь мурзу Садырева брата, да Уразлы князя, да Шигалака князя, да Акчюру князя Аязова сына, да Кишкылдея князя, да Бурнака князя, да с ними послал двор свой, а вышли из Казани июня месяца в осмы день» (34) Услышав о движении таких больших сил в подмогу крымскому хану Мингли Гирею наступающие силы Большой Орды повернули от Перекопа обратно в свои кочевья (35).

Далее летописи останавливаются на событиях, связанных с сибирским царевичем Мамуком. Некоторые вельможи Казани недовольные промосковской политикой Мухамет Амина решили низложить его с престола и призвать на ханство независимого сибирского царевича Мамука Шейбанида. Брат сибирского хана Ивака Мамук, получив предло-

жение, двинулся к Казани. Однако заговор и движение последнего известны стали Мухамет Амину, который сразу же известил об этом Москву. По этому поводу Воскресенская летопись писала : « В лето 7004. (1496 г.) Тое же весны, мая, прииде весь к великому князю Ивану Васильевичу от Казанского царя Магмет Амина, что идет на него Шибанский царь Мамук, с многою силою, а измену чинят казанские Калимет, да Урак, да Садыр, да Агиш. Князь великий послал в Казань к царю Магмет Аминю, в помощь, воеводу своего князя Семена Ивановича Ряполовича с силою, и многих детей боярских двора своего и Понизовных городов дети боярские, Новгородцы и Муромцы» (36). Летописи далее рассказывают о том, что Мамук , узнав о большой силе Казани и Москвы отступил в ногайские степи. Успокоившись, Мухамет Амин отпустил Ряполовского с его войском обратно в Москву. Мамуку это и нужно было. Странники Кель–Ахмета сообщили ему об уходе Ряполовского и он «... вбозре прииде ратию под Казань со многою силою Ногайскою и со князи Казанскими» (37). Мухамет Амин бежал в Москву. Мамук занял трон хана в Казани. Однако , надежды вельмож не оправдались. Мамук не был компетентен править таким государством как Казанское царство, он начал грабить и население и князей. Кель –Ахмет и другие князья, а также казанское население после его похода на Арск не пустили его обратно в Казань. Правящие круги Казани опять вынуждены были просить хана у Москвы. Было отправлено посольство Бараш Сеита в Москву с предложением отпустить в Казань ханом не Мухамет Амина , а его брата Абдул Лятыфа. Он воспитывался в Крыму у матери Нур Салтан и отчима Мингли Гирея до 1493 г. В этом году его отправили служить к союзнику Ивану Ш в Москву. Посольство Бараш Сеита просило, чтобы великий князь казанцев «пожаловал, Махмет –Эмина царя к нам в Казань не посылал, занеже от него было великое насилие и бесчестие катунам нашим (женщинам) и за то есмь изменили и прочь от него к Мамуку отъехали (38). В апреле 1497 году Абдул Лятыф был отправлен из Москвы в Казань и в мае месяце был возведен на казанский престол.. Мухамет Амин как бы в компенсацию получил в удел города Каширу, Серпухов и Хатунь со всеми их доходами (39). При Абдул Лятыфе произошли следующие события. В 1499 г. на Казань наступали ногайские войска во главе с Агалак царевичем, братом Мамука убитого еще в 1496г. Вместе с ним действовал и казанский князь Урак, но перед московскими войсками они ушли. В 1500 г. казанские земли воевали

ногайские мурзы Ямгурча и Муса, «постояли под Казанью три недели» и ушли. В этом же году Абдул Лятыф «повелел около города нарядить острог». В летописях о казанском остроге, т.е. об укреплении вокруг города, есть и более ранние сведения.

За какие-то провинности Абдул Лятыф в 1502 году был пленен русскими, увезен в Москву и заточен. Летописи причину такой опалы ясно и точно не объясняли. Многие летописи писали, что «Тое же зимы, генваря, послал князь великий князя Василья Ноздреватого да Ивана Телешева в Казань, и велел поимати царя Казанского Абдыл Летифа за его неправду; они же ехав сотвориша тако, поймав царя и приведоша на Москву, князь великий послал его в заточение на Белоозеро» (40). На его место вновь был возвращен Мухамет Амин. Он был главнокомандующим русских войск в Литовско-Русской войне 1500–1503 годов. Слышавший о дивной красоте жены умершего в Вологодской тюрьме Али хана Урбет он захотел увидеть ее. Поехав в Вологодскую тюрьму и увидев красавицу сладострастный Мухамет Амин влюбился в Урбет. Она была действительно привлекательной с очаровательным лицом и с изящной, грациозной фигурой. Он умолял Ивана Ш отпустить ее за себя в жены и добился своего. А в 1502 г. он стал ханом Казани. Первым делом он казнил главу правительства Кель-Ахмета. Последний был противником Мухамет Амина в 1496 г., когда на престол призывали царевича Мамука. Он же, после Мамука добился того, чтобы Мухамет Амина не избрали ханом. И наконец, тот же «князь князей» Кель-Ахмет совершил арест и выдал воеводам брата его Абдул Лятыфа. Казнь Кель-Ахмета ослабила промосковскую группу в Казани. Усилилась антирусская ориентация. Притом, родственниками жен Мухамет Амина были ногайские мурзы, настроенные против русских. Свободолюбивая и властная его жена Урбет играла важную роль в умонастроении самого хана. По словам Казанского летописца она «яко по малу червь точит сладкое дерево» начала уговаривать мужа отложиться от России. Она была «научима от вельмож своих царевых» против Москвы. Мухамет Амина стращали участью Али хана, умершего в Вологодской тюрьме, и меньшего брата Абдул Лятыфа, отправленного в Белоозерскую тюрьму, агитировали за полную самостоятельную политику. Урбет говорила мужу: «Что ты? Раб московского тирана...ныне на престоле, завтра в темнице... Воспря от унижения к величию; свергни иго или погибни достойным славы» (41).

Война с Литвой закончилась победой русских в 1503 г. Иван III старел и часто болел. Этим обстоятельством воспользовались в Казани. Хан Мухамет Амин летом 1505 года организовал антирусское выступление – посол Москвы М. Кляпик, что – то требовавший от него, был арестован, русские купцы и торговцы разграблены. По инициативе ногайских мурз было совершено нападение на русские земли, был обложен Нижний Новгород. Однако соединенные силы не смогли взять крепость, а главного ногайского мурзу убило ядром. После этого случая ногайцы покинули поле боя. Войска Мухамет Амина после трех дней осады Нижнего Новгорода тоже повернули обратно в Казань. Новый Московский великий князь Василий III готовил поход на Казань и в 1506 году начались военные действия вокруг Казани. Русские потерпели ужасное поражение. В Москве считали : надо готовить новое войско для продолжения войны. Однако, Мухамет Амин изъявил желание помириться, он освободил посла Кляпика и всех других пленных . В результате переговоров делегации Бараш сеита удалось заключить мирный договор (42). Московский протекторат над Казанским ханством был частично восстановлен .

На этом обзор летописей по истории Казани мы прекращаем, хотя они и в XVI в. продолжали писать о казанско–московских межгосударственных отношениях. Так, в них широко освещены события 1519–1521 гг., когда умер Мухамет Амин и воцарился Шах Али. Также не мало места нашло освещение событий 1521–1524 гг., когда к власти в Казани пришли крымские царевичи Сахиб Гирей и Сафа Гирей, и когда шла война Москвы против Казани в эти годы. Описаны в них и события 1530–х и 1540–х годов, о которых достаточно рассказано в соответствующей литературе.

* * *

Таким образом, как мы видим, летописи по отношению к Казани писали, в основном, о военно–политических действиях московских великих князей, а не о самом городе. Хотя объектом нашего исследования не являются русские летописи, однако надо отметить, что главными чертами их являются две основные тенденции изложения . Первая – это тема войны. Во всех летописях военные действия русских княжеств между собой и против других народов превалируют над остальными вопросами и проходят через все изложение. Вторая – это чрезмерное восхваление православия, его божественности, описание чудес, провидений и

знамений.. При этом , ругань и издевательства над другими народами и вероисповеданиями доходит до ненависти к не православным. В таком же духе и русле продолжали свое дело летописцы XVI в. Летописи для нас являются источниками, а для своего времени могли считаться сочинениями историографического характера. Многие из них повторяют друг друга, являются компилятивными , что показывает на их распространение среди читающих людей того периода.

Кроме летописей были и другие исторические сочинения, умножившиеся в XVI в., и мы переходим к обзору такого рода источников.

2. Русские исторические сочинения о Казани в XVI в.

Рукописные публицистические работы.

Церковно–литературный публицист XVI в. Максим Грек прибыл в Россию из Греции. Озлобленный турецкими завоеваниями на Балканах, он был активным сторонником войны против всех мусульман. В 1520–х годах он сочинил специальное послание, призывая правительство идти в наступление на Казань: «доколе убо имамы благополучное время....нападем на христианоубийц Казани» Казань для него «проклятый город», «змеиное гнездо», которое следует скорее завоевать.

«Находясь в Казани, мы легко будем бороться с остальными врагами, будучи грозны оттуда» (43), писал М.Грек Василию III в 1521 году. Для него все мусульмане – исконные враги православия и всех славян. (хотя греки не славяне) М.Грек в Казани никогда не был, поэтому он о городе ничего не мог сообщить. Многие другие писатели тоже не бывали, но писали о Казани. Хотя они нам мало что дают, но мы решили на них остановиться, чтобы показать общественную мысль русских того времени по отношению к Казани и ее народу.

Первой половине XVI в. соответствует период публицистической деятельности Ивана Пересветова. Представитель дворянства выдвигал активную программу во внешней политике и предлагал ее правительству. Он же предсказывает Ивану IV, что тот станет «обладать многими царствами» и что ему «бы многие царства покорить» (44). А затем «он божиею помощью Казанское царство возьмет своим мудрым воинством да и окрестит, да будут осмь градов христианских славных на все царства» (45). Далее он призывал: «иные воинники удалые послать на улусы на казанские да велети их жечи и людей сечи и пленити» (46), «веру христианскую хранить», «умножати» и «неверных к вере приводити» (47). Однако истинная причина завоевания Казани была в другом. На это, как на потребность помещичьего класса, Пересветов указал так: «А слышал есми про тую землю, про Казанское царство у многих воинников, которые в царстве Казанском бывали, что про нее говорят, применяют ея к подрайской земле угодьем великим» Богатая казанская земля, продолжает он, не великая и находится под «позухою» у такого силь-

ного государя, а он ее терпит, и поэтому следует ее взять, « хотя бы таковая земля угодная и в дружбе была, ино было бы не мочно терпети за такое угодье» (48). Аппетит русского дворянства на «землю с крестьянами», на рабочие руки был очень большой.

К середине XVI в. в России сложилась такая ситуация, что для раздачи за службу дворянам–воинникам стало не хватать земли. А в руках монастырей и церквей оказались огромные земельные площади с крестьянским населением. Угроза со стороны светских феодалов в отношении церковно–монастырского землевладения привела к тому, что церковь стала рьяно выступать за расширение земельного фонда государства за счет «неверных». Все без исключения духовные отцы благословляли «воинников» на покорение Казанского ханства. Об этом писали и говорили, даже спорили. Митрополиты Даниил и Макарий, а также другие священники, архиепископы призывали к завоеванию Среднего Поволжья с его народами. Митрополит Макарий писал много проповедей и посланий к войскам и считал Казань достоянием прародителей Ивана IV. Он требовал никаких переговоров с казанцами не вести и перед «окаянными» не оправдываться (49).

Так же воинственно выступал духовник самого царя Ивана Грозного Сильвестр. Желая Ивану победы над «погаными» и увеличения православного царства, он предсказывал ему «Поклонятца тебе все царие земстви и вси языцы поработают тебе» (50). Православная церковь и ее служители, как Макарий и Сильвестр, всеми силами старались направить взоры московского правительства и дворянского сословия на казанские земли, а не на церковные. В их руках были мощные идеологические средства воздействия на массы, служившие интересам феодального класса в целом. Они постоянно требовали, чтобы простой народ подчинился своим властям. Сильвестр обращался к ним так: « Простые люди! Повиновение и послушание к начальникам имейте... Они бо имеют о вас попечение и промышление... и ко духовным же началам и властям послушание и повиновение показуйте: ти бо бдят о душах ваших...» (51).

Таким образом, писатели–публицисты XVI в. и церковники, отравляя сознание простых людей ядом вражды к людям другой веры, проповедуя согласие и терпение к своим эксплуататорам, лозунги и интересы господствующих классов выставляли как всеобщие, всенародные. Призывы светских и духовных феодалов к завоеванию Казани, пусть

даже народные массы и не были заинтересованы в нем, все же овладели, надо думать, сознанием русского народа, хотя часть его была далека от завоевательной политики царизма. Это видно из выступлений бывшего холопа, ставшего монахом Феодосия Косого. Ф.Косой проповедовал мир и призывал не воевать вообще: «не подобает.. воевати.». Он хорошо знал, как войны отрицательно отражались на положении крестьянства и горожан, видел, что широкие народные массы не хотели никаких войн и завоеваний. Признавая существование высшего разума, он проповедовал равенство всех людей перед богом. Ф.Косой говорил и писал: «иже суть в всех языках, яко вси людие едино суть у бога, и татарове, и немцы, и прочие языцы». Не ограничиваясь положением о равенстве всех народов и людей, он далее ставил знак равенства и между разными религиями. «Вси веры в всех землях одинакы». Из учения Ф. Косого вытекает по своей сути вполне правильный вывод о том, что верования всех народов в своей основе едины (52). Однако идеи Ф.Косого слабо и мало распространялись и не овладевали массами. Написанные им листки были единичными и сохранились они единицами.

Мы остановились на вопросе идеологии тогдашних публицистов и церковников потому, что она играла немаловажную роль в завоевании Казани. Они убедили большинство, недавно трепещущих перед золотоордынскими саблями россиян, в «необходимости и правоте» захвата «окаянной дочерью Золотой Орды»– Казани (53).

Взятие Казани в 1552 г. и завоевание территории Казанского ханства в 1552–1557 гг. описаны в довольно большом количестве исторической современной литературы. Поэтому дальше мы сосредоточим наше внимание не на военно–политических вопросах, а на виде и устройстве самого города Казани и крепости Свияжска. О каких объектах, предметах и людях говорят исторические сочинения того времени.? В начале о Свияжске, потому что он был очень тесно связан с Казанью и ее завоеванием. Зимой 1549–1550 гг. Иван IV после поражения под Казанью остановился около Круглой горы (түгөрөк тау – по татарски), находящийся недалеко от устья реки Свияги (Зөя) в Волгу. Он задумал здесь поставить крепость, чтобы «теснить» казанцев, т.е. создать военную базу для завоевания Казани. Хотя Никоновская летопись писала, что место для основания крепости было «сказано» Ивану IV казанскими вельможами, другие источники не подтверждают это сообщение. А «Казанская история» извещает о скрытном замысле Ивана, который никому не говорил,

что он построит здесь город. Круглая гора, по словам А. Курбского находилась в Итяковом поле (54). В Казани еще в XV веке были князья Итяки. «Итакова брат Бедыр» (55) по велению Мухамет Амин хана в 1491 г. участвовал в походе соединенных сил Москвы и Казани в Крым против золотоордынских царевичей–детей Ахмат хана. «Казанская история» писала, что Круглая гора была покрыта лесами, но подле нее находились селения местных жителей. По–видимому, Итяковое поле являлось владением князя Итяка и там находилась его усадьба. На том месте археологами обнаружено мусульманское кладбище среди вышеуказанных селений, должна была быть и мечеть. Иначе где же жили и молились татары– мусульмане, прибывшие с Шах Алием. Шах Али прибыл на место строительства крепости 24 мая 1551 года в качестве начальника стройки со своим двором в 200 чел. Вместе с русским войском более 30 тысяч чел. прибыли также 500 чел. казанских татар, бежавшие от террора Сафа Гирей хана в Москву еще в 1548 г. Среди них были такие известные эмиры или беи Казани как Костров князь, Чапкын и Бурнаш сеит. В подчинении у Шах Алиа было 15 русских князей–воевод, среди войск было войско в пять тысяч из мещерских земель. Все они сознательно или несознательно, насильно или по своей воле участвовали в строительстве. Строительный материал–лес отправили плотами по Волге из Угличского уезда Московии, но его хватило только на половину стройки; на другую половину материал брали на месте–рубил лес, надо полагать, использовались и бывшие здесь постройки.

Еще до начала стройки воевода Серебряный, воспользовавшись густым туманом, 18 мая тайно подошел к Казани и разорил посад «побил многих людей и живых поимали, и полону, Русского много отполони» (56).

Одновременно со стройкой шло завоевание и покорение населения Горной стороны. Русский посол из Ногаев докладывал в июне этого же 1551 года в Москву так: «в ногаи весть пришла, что землю Казанскую воюют добре, села жгут и города ставят. а на помочь, государь, из ногаев в Казань никто никак не пошел» (57). Местные жители испытывали ужасное бедствие: убийства и пытки, разгул и пьянство, разорение и грабеж повсюду свирепствовали на их земле. Огромную армию надо было кормить: обозами возили хлеб, пригоняли стадами скот и т.д. Скудность и теснота войск вызывали разные лихоимства, непотребности и разврат. По поводу разврата среди воинов митрополит Макарий в

своем обращении–увещевании к солдатам отметил, что дело доходит до «мужеложства» и писал: «И сице безумием своим и законоприступлением бесрамно и безстыдно блуд сдевающе со младыми юношами. Содомское злое скаредное и богомерзкое дело, наипаче не премолчно безумия их...свободенным пленников ис поганных рук, благообразных жен и добрых девиц» (58). В Свияжском военном лагере распотранялись сифилис и другие венерические болезни. А.Г.Хрипкова и Д.В.Колесов писали, что русские войны сифилис впервые занесли в Россию из Казани (58а). Этого было достаточно для Жириновского обвинить казанских татар в нечистоте.

В июне 1551 г. Горная сторона–вторая половина Казанского ханства была уже завоевана. Население, оставшееся в живых, вынуждено было покориться перед вооруженной силой, но не на долго. В июне 1552 г. население Горной стороны поднялось на русские гарнизоны и отложилось от Свияжска и России. Люди все «волнуются, многие ссылаются с казанцы, а во всех правды мало чяют, и непослушание в них великое» – так писала Царственная книга (59). Свияжск остался как русский форпост на Горной стороне, но без нее. Однако в дальнейшем усилиями Москвы он укрепился и выполнил свою роль как военная база для взятия Казани.

Выше мы заявляли о намерении сообщить сведения тогдашних сочинений о городском устройстве. Однако, в силу характера самих источников отказаться вовсе от сообщений о военных делах невозможно.

Царственная книга.

Царственная книга (далее книга) написана о годах правления Ивана Грозного так же по форме летописей. Здесь имеются записи о завоевании Казани по дням и, можно сказать, что это журнал военных действий русских войск при взятии Казани. По видимому, эти записи написаны участником осады и штурма Казани. В ходе изложения о сражениях штурмующих город русских с защитниками его, есть сведения и о самом городе, об отдельных местах и городских объектах. Во–первых, это запись о местонахождении города: «Книга» сообщает, что «Казанская земля в великих крепостях, в лесах, и во озерах, и в ржавцах (оврагах)» (60). По данным этого сочинения город окаймляли с южной стороны река Булак и озеро Кабан, а с северной и северо–западной стороны

река Казанка, с восточной – Арское поле. От Булака на запад до Тирен Узэка (глубокая низменность или овраг) простирались царские луга. Их пересекала речка Ички Казан. По нашему мнению эта речка текла от современных Отар до реки Казанки недалеко от ее устья в Волгу. По правой стороне по Булаку от озера Кабана шла городская стена до кремлевских Аталыковых ворот. По левой стороне р.Казанки, несколько отойдя от нее, шли северные и западные стены, а с Арского поля до Кабана – восточные стены. Царственная книга называет всего 9 ворот, не определяя их месторасположения. Названия их следующие: Царские, Арские, Кайбакские (Кабакские), Збойливые, Елбугины, Муралеевы, Аталыковы, Тюменьские, Крымские и Ногайские. Из них Муралеевские близ современной Тайницкой башни, Елбугины дальше от нее на север, Кайбатские на севере к востоку и рядом с ними Царские, остальные в городской (острог) стене.

«Книга» указывает и на главной мечети называя ее мечетью Кул–Шерифа. При завоевании Казани русскими «приближа христиане к мечите, к Кулшерифу, к Тезицкому врагу, и тут с Кулшерифом Молною многие неверные совокупившися и зле бьющесь» – пишет она. Кул–Шерифа мечеть по Царственной книге находилась рядом Спасо–Преображенским или по– другому Спасо–Сергеевским монастырем позднего происхождения чем мечеть. По мнению советского археолога Н.Ф. Калинина она была на Тезицком овраге, т.е. около западной стены Кремля. По этим же данным «Книги» вне городских стен находились некоторые объекты. Во– первых – это ключ, откуда горожане брали воду, ходили к ней по туннелю, проложенному по внутренней стороне городской стены. Интересно, каковы были ключь и туннель? Об этом источники молчат. Но известно, что ключь находился напротив Нуралиевой (современной Тайницкой) башни.(61) Говорят о их существовании в до военное (1941–1945 гг.) время. Во–вторых – это белокаменная Даирова баня богатого человека Казани по имени Тагир (62), находившаяся за Булаком, рядом с его поворотом к Казанке. Какова была она –тоже неизвестно.

В третьих– это Отучева мечеть, связанная с именем князя Отуча, отцом или дедом знаменитого героя Казани Чапкына Отучева. В «Книге» указано, что эта мечеть находилась рядом с царским лугом (63). По другим источникам она была в Кураишевой слободе–деревне, близ современного второго от Кабана моста через Булак. В четвертых – это «ста-

рое городище». Так называлось место, где находились остатки древнего поселения на бугре, где впоследствии (1579 г.) был построен Казанский женский монастырь. Кстати, «История Татарской АССР» отмечает, что вокруг Казани существовали слободы Кураишева и Армянская, села Бишбалта, Кульмаметова (позднее Александровская) и Аметево (64). По другим данным были еще деревни Отары и другие. Однако, «Царственная книга» за исключением Бишбалты о них не упоминает. Селение Бишбалта, находящееся в юго-западной части Адмиралтейской слободы, в «Царственной книге» упоминается при описании событий 9 марта 1552 года: «И как на Бежболду воеводы приехали и поехали наперед в город от воевод Ислам князь, да Кебек князь да Аликей мурза Чурин брат Нарыкова». Вне городских стен было еще кладбище посадского населения, которое находилось перед Ногайскими воротами, в начале современных улиц Калинина и Бутлерова. «Книга» часто пишет об Арском поле, начиная с оз. Кабан с юга и до Казанки на северо-востоке. Кабан, Булак и Казанка фигурируют так же часто, но очень мало упоминается озерная система на севере городских стен – озера Белое (Ак кул), Поганое (Черек кул) и Банное (Мунча куле).

Наконец, о городской стене источник указывает несколько раз и констатирует наличие в ней десяти ворот. (65). Забегая вперед цитируем «Казанскую историю»: «Царь же князь великий (Иван IV), облегли Казань и объехав около города, и смотряще стенные высоты и мест приступных, и увидев, и удивися необычной красоте стен и крепости града. Прежде бо приходил бе в зимное время, тем не рассмотре града гораздо, каков есть. Прилежит бо к нему с востока поле, зовомое Арьское, велико и красно, по нему же течет под град Казань – река, на том же поле изливается озеро Кабан именуемо...» (66). Однако, в «Казанской истории» и «Царственной книге» о расположении стен и местонахождении башен ничего не сообщается. С внешней стороны стен, где не было естественных оборонительных рубежей, был выкопан ров, «трех сажень поперег, а глубина рву семи сажень» (67). Этот ров был против царских ворот «промеж стены градские и тур царских». Через него сооружены были мосты, чтобы выезжать и выходить из города на дороги по разным направлениям и входить в город. Мосты не были подъемными, иначе они не были бы так легко подожжены русскими. Судя по указанию «Книги» о царских воротах, ров шел по современной улице Пушкина, которая, как известно, напоминает овраг между холмами Универ-

ситетской и общежитий Казанского Педагогического Университета.

Выходя из ворот по мостам через этот ров и в других местах, защитники Казани совершали вылазки, атакуя осаждавших. При постройке туровой линии вокруг стен города, еще 26 августа совершена была сильная вылазка войсками гарнизона. С обеих сторон было множество убитых. Среди убитых защитников нашли тела князя Ислама Нарыкова, Бакшанды, Дубрунцова и Сюнчелея–богатыря. Ислам Нарыков являлся одним из первых организаторов обороны Казани и членом правительства. Предатель Казани Камай мурза Хусаинов уйдя к русским говорил, что руководителями обороны Казани под началом царя Ядыкаря были «Кул–Шериф мулла и кады, да Зейнаш князь ногайский, да изменников государевых Чапкун князь, тот Аталык у него, да Ислам князь, Аликей Нарыков, Кебек князь Тюменской, Дербыш князь, те всю землю на лихо наводят, и запасы в городе многие; а совете их послали на Арскую засеку; твоих же Государевых изменников, Япанчу князя, да Чапкунова племянника Шунак мурзу, да Арского князя Явуша; а велел к засеке всех людей собрати, которые не в городе, и приходити на государевы люди, и за засеку бы воинских людей на Арское поле не пропустить» (68). Все это было именно так, что подтверждается другими источниками – летописями. Япанча, Шунак и Явуш своими конными отрядами несколько раз внезапно нападали на русские войска, особенно на те, которые находились на Арском поле и занимались установлением тур вокруг стен города. Воеводы задумались и решили: без решительной войны с полевыми кавалеристами Япанчи почти невозможно будет завоевать Казань. «Книга» рассказывает: «Августа 30, во вторник, умыслил Государь (все речи и действия ведутся от имени царя Ивана IV) послати на тех людей, которые с лесу на полки приходят на царские и на кормовщиков; послал государь боярина своего и воеводу князя Александра Борисовича Горбатого, да боярина князя Петра Семеновича Серебряного...». Воеводы устроили засаду татарам и был жестокий бой. Были убитые с обеих сторон, татары были побеждены и рассеяны– кто убежал в лес, кто попал в плен. Пленных 340 человек (в другом месте 350 чел.) привели к стенам города и, якобы, послали в город одного пленного с предложением: если город сдадут, то пленных не убьют. Но город молчал и все пленные были «побиты» (69). А.Курбский писал несколько иначе, как будто их убили сами татары. На наш взгляд, мусульмане жалели своих, но верили, что мусульманин убитый рукой «кафира» являет-

ся «шагитом» (70) и его место будет в раю. Кроме них были пленные, еще раньше попавшие в руки воевод. Например, во время вылазки из города, 26 августа Карамыш углан Ходайкол углана сын «хотяше добыти языка» в скоротечном сражении попал в плен. Он сделал вылазку со своим отрядом из Крымских ворот, которые по сведениям источников мало использовались в обороне. Приведенный к Ивану IV, после ужаснейших пыток огнем и железом, он был убит. Точно так же, при атаке 28 августа из леса на передовой полк русских на Арском поле был пленен «мурза Шабалатова сына Княжево с товарищи» и умерщвлен (71).

О ходе войны за взятие Казани в «Книге» написано довольно полно. Об этом и в современной литературе сказано немало. Поэтому здесь нет необходимости полного освещения этого вопроса. Скажем лишь : при взятии города мужчин в плен не брали, защитников всех кололи и резали, «повеле царь имати жены и дети малые, а ратных за их измены, избивати всех», «а побитых во граде толико множество лежаше, яко по всему граду не бе где ступати не на мертвых; за царев же двором, где на бегство предалися, и со стен градских и по улицам костры мертвых лежаше со стенами градными ровно. Рвы же на той стороне града полны мертвы лежаше и по Казань реку, и в реке, и за рекою по всему лугу мертвые поганые лежаша» (72).

Следующая глава «Книги» озаглавлена: «Царь хвала богу воздает».

Сказание князя Андрея Курбского о покорении Казани.

Свое краткое воспоминание о взятии Казани М.Курбский писал в Польше в конце 60–х годов XVI в. Как непосредственный участник боев за Казань он мог бы написать больше о самом городе, но получилось немного. Он больше писал о военных действиях, о битве штурмующих. Мы уже писали, что хотели бы больше остановиться на сведениях о самом городе. Здесь приводим несколько важных указаний князя воеводы о Казани.

О месте расположения города Курбский писал так: Мы пришли, говорит он, «сопротив града Казанского, на великие и пространные, и гладкие, зело веселые луга;... бо стоит оный град и место не на Волге, но река под ним, Казань реченная, от нее же и наречен. И положение его на великой горе, а наипаче от приходу Волги сице зрится; а от ногайской strony, от Камы реки, от реченного Арского поля, ровно приити к нему».

Далее он писал об окрестностях города: «В великой крепости лежит, с востоку от него идет Казань река, а с западу Булак река, зело теновата и непроходима, под самое место (стена) течет и впадает под угольную вежу (башня) в Казань реку; а течет из озера, Кабан глаголемого, не малого, которое озеро кончится аки полверсты от места;... между озером и место лежит с Арского поля гора зело прикрая ... А от той реки, около места, ров копан, зело глубокий, аж до озера, реченного Поганаго...» (73).

Курбский и его современники хорошо понимали на каком прекрасном месте расположен наш город Казань. Судя по всем источникам и высказываниям людей того времени он основан на плодородной земле, богатой природой и водными ресурсами. Курбский писал: «В земле той поля великия, и зело преизобильныя и гобзующи на всякие плоды; тако же и дворы княжат их и вельможей зело прекрасны, и воистину удивления достойны, и села часты; хлебов же всяких такое там множество, воистину вере ко исповеданию неподобно;... тако же и скотов различных стад бесчисленные множества, и корыстей драгоценных, наипаче от различных зверей, ... куны дорогия, и белки и прочие зверие... соболей множество» (74). У автора есть и такое важное указание, как на наличие мостов через Казанку и Булак. Об этих мостах в исторической литературе почти ничего не говорится.

Мост через Казанку «яное по Галицкой дороге» (75) находился напротив Нуралиевых и Елбугиных ворот Кремля, в середине между ними. Он выводил на Галицкую дорогу и Мари эль, богатой лесами страну. Мост был, очевидно, добротным, длиной 25–30 метров и шириной 5–6 метров, чтобы встречные возы могли свободно проехать. Такой же мост, предположительно, был через Казанку с Арского поля на востоке на Арскую дорогу. Об этом источников я не нашел, но как же без моста, когда Казань все время держала тесную связь с Арской землей. А. Курбский так же упоминает о мосте через Булак у озера Кабан, впоследствии названный «татарским». О других мостах он не писал, но их было несколько. Курбский находился за рекой Казанка напротив Кремля, поэтому ему наверное не приходилось иметь дело с мостами. Кроме того, из Крымских ворот на Булак вылазки не делались и вообще южная сторона обороны была менее опасной, поэтому в середине Булака бои шли не очень активно.

Другое важное сообщение А. Курбского – это упоминание несколько раз о великой башне, «на высокую вежу (башня) изнесут хоругв (знамя)

их, зело великую басурманскую, и начнут ею махать»; (76) «тамо под вежу великую и под тайники подкопано, откуда они весь град воду брали»; Защитники «стояша на башне оной великой и на стенах града, не хранящися, яко прежде, но крепце с нами, и обличне и вруч бьюшесь» (77). Здесь, в первом предложении речь идет о сигнализации из городской высокой башни с большим знаменем к войскам Епанчи, указывая на удобное время для атаки осаждавших или об опасности для них. Во втором о подрыве подземного тайного хода казанцев за водой. Однако сомнительно, что на весь город был только один источник воды. В третьем – о сражении казанцев уже без защитных средств в рукопашную с русскими. Далее идет рассказ о сражении за эту башню : «на стену–града взыде по лестнице,... секущесь и колющесь с бусурманы, в окна оные великой башни влезше, а из башни сметавшись во врата великие градные ; бусурманы же, абие тыл подаша» (77). Отсюда понятно, что штурмующие влезли по поставленным лестницам на стену Кремля и высокий этаж «великой башни» и оттуда бросали убитых ли, раненых ли вниз на ворота «великие градные».

Естественно, сразу же представляется вид современной башни Сююмбеки. Те же ворота бывшие «градские», те же окна выше ворот, из которых некоторые уже закрыты.

Курбский, хотя и упоминает Арское поле, вне восточных стен города ров и некоторых других объектах, но мимоходом, ибо он там не воевал. Он писал так же о множестве убитых без указания мусульманских имен. О последнем сражении перед царским дворцом он писал следующее.

«Царь Казанский со всем воинством начаша уступовати назад, обаче броняшася крепце; наши же по них неотступно крепцей находяще, секущеса с ними. Егда же погнаша их аж до мечетей, яше ближе царева двора стоят, абие (тогчас) изыдоша во сретение наших абызы их , сеиты, моллы, пред великим бискупом (Эпископ – в смысле глава духовенства) их, а по их с великой анарый , або амиром, именем Кулшериф –моллою,и сразишась с нашими так крепце, аж до единого избиша их. Царь же со всеми остатными затворился во дворе своем, нача бранитися крепце, аки еще на полторы години (час) бьюшеса» (78).

Как известно, Кулшериф сеит был главою мусульманского духовенства Казанского ханства. Образованнейший человек он принял живейшее участие в политико–общественной жизни государства , часто выполнял дипломатические миссии. И своим бессмертным подвигом и

жизнью дал возможность оставшимся 6–ти тысячам воинов укрепиться в ханском дворце – цитадели Казанского Кремля и вести еще полутора-часовой бой с захватчиками. Тем же самым оставил свое имя в памяти народа на веки вечные.

Курбский закончил свои воспоминания рассказом о своих ранениях и похвалой храбрости самого себя и своего брата.

Казанская история или Казанский летописец.

«Казанская история» является первым произведением в русской историографии тенденциозно пытавшееся описывать историю межгосударственные отношения Казани и Москвы в целях оправдания русской агрессии. На этом произведении мы остановимся более подробно, потому что многие историки принимают его за чистую монету и даже пользуются им при составлении учебников по истории. В действительности «Казанская история» не достойна такого внимания, кроме как ее название. Крупные историки России отзывались о ней отрицательно.

С.М. Соловьев называл «Казанскую историю» «мутным источником» и отказался пользоваться ею. Заодно критиковал Карамзина за его доверие данному сочинению (79).

В.В. Вельяминов–Зернов писал: «Казанская история» есть сочинение «которым надо пользоваться с большой осторожностью. Автор, как видно, писал на память, мало заботясь о том, что у него выйдет из-под пера» (80).

С.М.Шпилевский отзывался о ней так: «К сожалению, «Казанская история,» которая так много обещает, представляет в действительности весьма скудный исторический материал: автор не столько заботился о подробной и точной передаче событий, не говорю уже о характеристике внутреннего быта Казанского царства, сколько о высокопарности слога и широковещательности...» (81).

Д.И.Иловайский считал, что «рассказы Казанского летописца вообще не отличаются полной достоверностью и обилуют разными домыслами и прикрасами» (82).

Н.М.Карамзин широко использовал и много цитировал из этого произведения во многом доверяя ему.

«Казанская история» структурно состоит из небольших, но более ста глав, озаглавленных по событиям общественно–политической жизни

Казани и Москвы. Автор ее не известен. Хотя В.Н.Татищев как зачинатель ее изучения считал, что автором являлся «поп Иоанн Глазатый» (83). За ним это повторили некоторые другие. Однако специально исследовавшие эту проблему Г.З.Кунцевич (84) и Г.Н.Моисеева (85) не согласились с этим мнением и считали, что автором первых 49 глав являлся один человек, а остальных глав другой или другие люди. Это было связано с разницей между первой и второй редакциями. Считается, что «Казанская история» создана в 1564–1565 гг. (первая редакция), а вторая редакция осуществлена в 90–х годах этого же столетия. От первой редакции сохранилось семь списков, остальные 224 списка принадлежат второй редакции (86). Источниками сочинения явились в первую очередь русские летописи; затем документальные акты, разрядные книги, посольские переписки и т.д. (87) Особое место в этом вопросе занимает заявление самого автора, который писал: «Грех ради моих случился плененну быти варвари и сведенну быти в Казань. И даша мя царю казанскому в дарех Сапкирею. И взят мя царь с любовию к себе служити, во двор свои постави мя пред лицом своим стояти. И быв тамо 20 лет. Во взятие же казанское изыдох ис Казани на имя царево московского. Царь же мя крести, вере христове причте и мало земли ми уделом дасть» (88). И в других местах произведения встречаются такие слова: «Есмь сам видех очима своими» о многих событиях, нашедших отражение в его рассказах, но неправильно толкуемых. Такому художественно удачно принятому методу автора наивно или произвольно верили многие. Так, Г.Н.Моисеева писала: «Важнейшим источником фактических сведений о Казанском царстве первой половине XVI века были личные наблюдения самого автора «Казанской истории», находившегося в Казани с 1532 по 1552 год» (89). Доказать правдивость автора она не взялась, ибо это ей, пожалуй, и не нужно было. А доказательство того, что автор лгал и писал это для убедительности своих вымыслов и ухищрений можно и должно, что мы и увидим в дальнейшем изложении. Пока отметим только одно обстоятельство. Г.З. Кунцевич писал, что когда он попал в казанский плен был уже взрослым примерно 25 летнего возраста. $25+20(\text{годы плена}) + 15 (\text{с } 1552 \text{ по } 1565) = 60 \text{ лет.}$ (90) Исследователи установили также, что «Казанская история» выполнена автором по-христиански высокообразованным человеком, «наделенным незаурядным литературным чутьем», «высокохудожественная форма ее сложилась на основе усвоения автором лучших образцов древнерусской лите-

ратуры» Спрашивается, может ли 60 летний старик достичь такого, можно сказать, непревзойденного уровня развития в области художественной литературы и искусства после 20летней жизни в мусульманском плену? По моему такое невозможно, тем более для того времени.

Рукописные списки «Казанской истории» распространялись в XVI, особенно широко в XVII веках. Впервые небольшим тиражом она была опубликована в 1791 году под названием «История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам» – (СПб, Имп.Академия наук.) Следующие издания таковы : Сказание о зачатии царства Казанского» – (Изд. Ф.Г.Васильев.– Казань, 1902); «История о Казанском царстве или Казанский летописец» – (ПСРЛ, Т. XIX. СПб.,1903); «Казанская история».– Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г.Н.Моисеевой. – М.Л.,1954. В данном очерке использовано издание Моисеевой Г.Н., как более усовершенствованное и полное. До начала разбора исторического материала, сообщаемого «Казанской историей» хочу сказать о двух важных принципах авторского изложения. Первое – это чрезмерное восхваление православной веры, божественность стиля языка, оно идет с самого начала через все повествования и до конца. Второе – это возвеличивание христианского русского народа и ненависть к нехристианам, унижительное и враждебное отношение к другим народам. Например, в самом начале (третий лист текста) написано: «Живяху же за Камою рекою, в части земля своея, болгарския князи и варвары, владеюще поганым языком черемиским, незнающе бога и никоего же закона имуще.....» (91).

Повествование начинается с завоевания русских земель Батый ханом и покорения Руси Золотой Орде, уплаты ей русской дани. Царь Батый по его сообщению был убит Югорским (венгерским) королем Владиславом в городе Радина (Бундина).

Живший 20 лет в Казани он не знал о смерти Батыя в г. Сарая, т.е, как будто в Казани не знали об этом.

О начале Казанского царства «Казанская история» писала так: «Бысть же на Каме на реке старый град именем Брягов, (от имени Ибрагим) оттуду же прииде царь, именем Саин Болгарский. И поискав по местом проходя в лета 6685 (1177) и обрете на Волге.... Царь возгради на месте том Казань»; «и бысть Казань столный град, вместо Брягова». Откуда взял автор дату основания Казани – 1177 год ? По этому поводу, кажется, никто еще ничего не писал. Я думаю, может быть, эта дата образования

и выделения Казанского эмирата (княжества) в составе Булгарского царства. Выше было отмечено, что феодальное раздробление в нем началось до монгольских завоеваний. А может быть, автор произвольно взял дату начала летописания. Известно, что основные московские летописи начинаются с 1177 г., хотя в их текстах дата основания Москвы указано 1147 г. Автор продолжает писать о месте города и о населении. Место «пренарочито и красно вельми, и скотопожитно, и пчелисто, всяцами земными семяны родимо, и овощми преизобильно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодя много, яко не мощно обрести другого такого места во всей Русской нашей земли, нигде же таковому подобно месту красотою и крепостию и угодием человеческим не вем (видем) же, аще есть будет в чюжих землях» (92). Как видно, характеристика казанских земель совпадает с оценкой И.Пересветова, когда он писал о «подрайской земле» Думается, что эти слова «летописца» тоже для вызова заинтересованности русских людей в захвате богатых земель. Однако эта земля, оказывается являлась обиталищем «змеи велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову; Единою пожираше человеки и скоты и звери, а другою главою траву ядяше». По приказу царя Казани колдун, собрав все змеи в один круг, сжег их. Вот ведь как, на такой прекрасной земле жили змеи и здесь была основана Казань. Далее о населении: царь заселял это место закамскими булгарами «язык люот и поган» «болгарская чернь... обычаем злым, песьим главам, самоедом, ина черемиса зовемая отяки». В другом месте автор о населении Казанского ханства более конкретно писал так: «збиратися в Казань срачины и черемиса... худые болгары». Срачины – это христианское название мусульман, худые булгары – это рядовые люди, простой народ, а черемисы – это мари и чувашаи.

Далее речь идет об отношениях между Золотой Ордой и Московским великим княжеством: о Белевском сражении 1437 г.; об Улу Мухамеде, выгнанный из г. Сарая как будто Едигеем, умершем 18 лет тому назад. Затем «История» рассказывает о нем как об основателе Казани и Казанского ханства без каких-либо доказательств; о пленении великого князя Москвы Василия II в результате Суздальского сражения; воцарении Махмутека в Казани (1445 г.) и отпуске Василия II из Казани в Москву.

В действительности Улу Мухамет не основал Казань и ее государство. Не один из достоверных источников, не одна из летописей не упоминают на это, не говорят даже, что Улу Мухамет подошел когда-либо к

Казани. Василий II по их данным был отпущен не из Казани, а из Курмыша. Автор лжет так же и в том, что Улу Мухамет был зарезан сыном Махмутеком (93). В этом заключается вся разница «Казанской истории» со всеми летописями по поводу событий 1445 г. Автор хотел создать впечатление у читателей, что Казань есть «преокаянная дщерь Золотой Орды», в чем и преуспел. И сейчас еще существует убеждение, что так оно и есть. Жаль, что такие люди не могли подняться на уровень выше сочинений XVI века. Здесь надо добавить то, что Улу Мухамет после Белевского сражения кочевал своим двором (юртом) в мещерских землях по р. Оке, зимовал в Старом (татарском, может быть) Нижнем Новгороде.

Сказав вкратце о наступлении золотоордынского хана Ахмата на Москву и уходе его от р. Угры, «летописец» переходил к перевороту в Казани в 1487 г. русскими войсками. В указанном году русские полки под командованием воевод Данила Холмского, Александра Оболенского, Семена Ряполовского после «боя велику на реке на Свяге», пишет он, «царя Казанского Алехама жива яша руками» с его семьей. Как будто не было сражения за Казань, 52 дневной осады и обороны города и очень легко они посадили на трон Мухамет Амина в Казани. Автор не осведомлен и в том, что Абдул Лятыф прибыл в Москву только в 1493 году. До своего воцарения «Махметемин, – писал автор, – взя за себя из темницы жену... Алехама царя, умершего в заточении в Вологде». Не называя имени царицы, он начинает грубыми ругательскими словами винить ее в уговоре Мухамет Амина «изменить великому князю Ивану III». А если Мухамет Амин не порвет с русскими, то он будет рабом их, «да всего царства своего лишен будеши. Аще ли се сотвориши, то имаеши царствовати многа лета в Казани, аще ли сего не сотвориши, то вскоре з бесчестием и с поруганием сведен будеши с царства своего...» (94). В результате этого, якобы, Мухамет Амин «изменил своему отцу Василию III» и начал войну против русских в 1505 г. В ответ на поход Мухамет Амина на Нижний Новгород русские войска подошли к Казани и произошло большое сражение на Арском поле.

По словам «истории» на Арском поле татары и черемисы организовали праздник или ярмарку, «торговаху з градскими людьми, продающе и купующе и меняюще». Люди веселились и как будто пьянствовали. Во всем этом рассказе правду найти очень трудно. Он почти целиком состоит из вымысла: ярмарку организовать казанцы в такое тревожное время

не могли, татары не пили как русские, князь Дмитрий не был пленен, воевода Киселев не был убит и т.д.

Следующая глава названа «о покаянии, и о приказе царевице, и о послании з дары великому князю московскому, и о смерти царя казанского злаго и поганого», где написано «и за сие преступление царя казанского, поразил его бог язвою неисцелемою от главы и до ногу, и люте боляще, три лета на одре лежаше, весь кипя гноем и червьями» (95). По данным «истории» Мухамет Амин покаялся и послал Василию Ш послон и подарков. Среди подарков были: «300 коней добрых,...в седлах, и в уздах златых, в покровах червлёных, и меч, и копье свое, и златый щит... и красный шатер драгий, ему же величьи купцы заморския не возможна цены уставити, дивящееся хитрости его и ркуще яко несть в наших землях заморских и во всех землях фряжских узорочия такова, ни слышав, ни видав ни у коего царя, ни короля, токмо тоя земли, где сотворяют сих,— различными узору красными срачинскими весь шит, златом и серебром, и земчюгом усажен и по местом, драгим камением...».

Мы привели отрывок из длинного перечня подарков казанского хана, чего в других летописях нет, чтобы показать богатство языка автора и как он представлял богатство ханского дворца. В то же время для выяснения авторского враждебного отношения к казанскому хану, хотя он и был сподручным ханом. Мухамет Амин умер в Казани в 1519 г. По «Казанской истории» сразу же после его смерти Москва послала в Казань царем касимовского царевича Шах Али— Шигали.

Со смертью Мухамет Амина царствовавшая династия Улу Мухамеда прекратилась. Ни Мухамет Амин, ни Абдул Лятыф, умерший в 1518 г. до своего старшего брата, сыновей не имели. А Шах Али был представителем враждебной им династии, потомок Кичи Мухамеда. «Летописец» писал: «Царь же Шигали поиде на Казань с московскою воеводою, с Федором с Карповым, с князи и с мурзы своими». Другие летописи не упоминают, кажется, Федора Карпова, а пишут, что Шах Али был посажен на царство князьями Д.Ф.Бельским, Захарьиным и дьяком Телешевым. Этот отрывок я привожу потому, что «летописец» то следует по летописным данным, то добавляет или извращает их сведения от себя произвольно.

Царь Шах Али в Казани, надо полагать по приказу московских воевод больших князей и мурз посадил в тюрьмы, а некоторых «смертной казни предаша» (96).

«Казанская история» не указывая год прихода к власти в Казани крымского царевича Сахиб Гирея и изгнания Шах Алиа из Казани кратко сообщила о казанском перевороте. А дело было так: в 1521 году казанцы были недовольны ставленником Москвы Шах Али и пригласили из Крыма Сахиб Гирея ханом Казани. Начался трехлетний военный период в отношениях Казани и Москвы. В 1524 году русские войска наступали на Казань. По данным автора судовая рать с артиллерией была разбита и утоплена на Волге чувашами и марийцами, а пешие полки сражались с войсками князей Отуча и Аталыка на Свяяге. На подступах Казани наступающие тоже успеха не имели. Автор писал о нескольких десятках тысяч убитых людей с обеих сторон. Затем перешел к войне 1530 года.

В описании этой войны есть рассказ о постройке оборонительных стен города: Сафа Гирей велел «делати подле Булака острог, около посаду, по Арскому полю, от Булака же и до Казани реки, округ его рвы копати, по за острогу»; и далее, «и сделану бывшу острогу повелением царевым, вскоре, крепку и велику, с камением и з землею, двема же концы ко граду притчепу» (97).

Казанцы опять пьянствовали, – писал он, – и дали возможность сжечь весь этот острог и казанские посады, тогда же убили пьяного Аталыка. Однако известно, что русские были поражены и ушли из-под Казани. По «истории» царь казанский, видя, что Казань будет взята русскими, убежал в Крым. В действительности же начались мирные переговоры. Затем идет рассказ о воцарении в Казани младшего брата Шах Али, 15 летнего Джангали или Еналея по русский, Геналлия по автору. Далее идут скверная ругань, призыв к завоеванию Казани и обвинение казанцев во всех грехах.

Не будем касаться московских дел, о чем писал «летописец». Не наша это тема. Далее о казанских делах он писал следующее. «Сапкирей побеже в Нагаи, за Яик, просвоитися тамо прибежав к заяицкому князю Исупу, дочь его за себя взя, красносолнечну, мудру, с нею же взя улусы кочевныя, в них же живяше» (98). Известно, что Сафа Гирей женился на Сююмбике после гибели Джангалия в 1536 г. Автор «истории» в это время по его же словам был уже в плену у Сафа Гирея хана. Зачем ему было нужно без каких либо причин лгать о просватании и женитьбе в ногах, а не в Казани. Он не знал об этом, т.е. не бывал в Казани. И еще вымыслы и лживые рассказы. В 1546 году после месячного ханства Шах

Али вынужден был бежать из Казани. Ему помогал, рассказывает автор «большой князь Чюра Нарыкович, властел казанский». Устроили пир городской, царь всему народу градцкому повеле брашною пития, вина и медове на возах возити... Уланове же и князи и вельможи, и мурзы все упившися допьяна: кождо их, где завалышися, и спаше.. и все домертва пьяны спаху, до больших и до худых» (99). Автор все это писал на русский лад, может быть зная, что татары не пьющий народ, или даже не зная об этом вовсе. Понятно, почему Г.С. Шпилевский писал о «Казанской истории» так: «не говорю уже о характеристике внутреннего быта Казанского царства». По автору Чура Нарыков проводил Шах Али хана до Волги и за это казанцы убили его. В действительности же Чуру казнил Сафа Гирей хан. «Живущий» в Казани в это время пленник не знал об этом. Смешон не только он, но и те смешны, кто верит в его слово. Нельзя верить и его цифровым данным и пользоваться ими. В том же 1546г. он писал: «И выехоша казанцев до 10000 на Русь». Далее автор писал о смерти Сафа Гирей хана следующее: «и тоеже пьян, руже свои и лице и нози умываху, напрасно запенся ногами своима, и ударися во умывальный теремец главою своею, и заразися весь о землю, и все суставы тела его разлабеша, и не успевшим предстоящим ухватити. И оттого умре того же дни» (100). Опять лукавое утверждение о пьянстве татар и их хана.

По смерти Сафа Гирея, писал автор, Иван IV послал воевод своих с полками, которые уничтожили бесчисленное количество татар и вернулись.

Затем идет рассказ о походе самого Ивана IV на Казань в 1550 году и тайном замысле его построить город– крепость на реке Свияге в 15 верстах от Казани. «Житель» Казани не знал, что Свияжск отстоит от Казани в более 30 верстах. После описания чудес, волхв, бес и превидениях автор остановился на правлении «Сумбек» и «Машкирея» (это Сююмбикэ и Утямеш Гирей), о «любви блудной» Сююмбикэ с Кучак уланом. Он как только мог оскорбил их, а потом сделал откровение тем, что сообщил о пленении Кучак улана «на переволоке между Волгою и Доном» с их соратниками. В действительности же они были разбиты и пленены на устье Вятки в Каму.

«Казанская история» дальше сообщает о попытке Сююмбикэ отравить Шах Али хана, чего ни в каких источниках нет, как нет и того, что « казанцы сеита своего, сами руками своими явше, отдавше его царю

приведша... и повеле царь в той же час главу ему отсеци» (101). О каком сеите речь идет, непонятно, имени он не называл и это событие в других источниках нигде не упоминается. Оно есть очередная выдумка сочинителя. Об уходе царицы Сююмбеки из Казани под сильным русским конвоем всем известно, некоторые даже разбирают плач Сююмбеки (102) как татарское произведение, не думая, что это высокохудожественное творение русского писателя.

О кратком царствовании Шах Алия, о убийении им казанских «700 великих вельмож» сторонников Сююмбеки и о других событиях автор писал в том же духе. О подготовке взятия Казани Москвой, о приходе в Казань нового царя Едигера (Ядькаря) и тому подобные события всем известны по новым историческим трудам. Поэтому нет необходимости остановиться на них, кратко сообщаемых в «Казанской истории». В ней нет ничего нового и по взятии Казани 150 тысячной армией русского государства. «Казанская история» кончается кратким описанием войны народов 1552–1557 годов за независимость своей земли от захватчиков и последней главой книги, озаглавленной «Похвала царю и великому князю и всем воеводам его и воем».

* * *

В заключение мы сделаем некоторые выводы.

«Казанская история» является не только «тенденциозным историко – художественным рассказом» (Г.Н.Моисеева), но главным образом военно – политическим с призывом к войне высокохудожественным произведением.

Автор не жил в Казани в течении 20 лет пленником. Он не упоминает ни одного городского объекта или строения, не знает многие события и факты, достоверно сообщаемые другими источниками, а если знает, то многие извращает и толкует по своему, сквернословит и оскорбляет личности и народы. Особенно сильно попало от него варварам – татарам, черемисам – марийцам и чувашам. Они были истреблены в войнах с русскими сотнями тысяч; иногда создается впечатление, что не осталось уже ни одного человека в живых ни в Казани, ни «черемис».

И в то же время, при взятии Казани освобождены были 100 тысяч русских пленных. Такими фантастическими сообщениями может играть только изощренный фанатик!

«Скифская история» Андрея Лызлова.

Заглавие этой книги очень длинное. Касающаяся нас часть того названия такова: «О казанской орде и царех их». Свою книгу «История Скифийская» автор назвал так потому, что в его время большинство сочинителей предками многих современных им народов считали азиатских и восточно-европейских скифов. А.Лызлов считал, татары, турки, монголы, перси, венгры, славяне и некоторые другие «от их народа изыдоша».

По структуре его книга состоит из четырех частей: 1 часть называется «О названии Скифии и границах ея, о народах скифийских названных монгоилах и прочих, и амазонах мужественных женах их, и коих татар суть сии татарове, иже в Европу приидоша». 2 часть— «О Батые царе татарской; и о пленении его на Московское государство и прочих государств; и о исчезновении его; и о начале и умножении Большая, или Золотия Орды». 3 часть— «О начале града Казани, и поселении, и потом разорении его от московских великих государей». 4 часть — «О Таврике Херсонской, идеже ныне Крымская Орда, о Мухамеде, о турецком народе и султанах». Книга написана автором в начале 90 годов XVII столетия.

Хотя она позднего происхождения, но мы решили ее включить в этот раздел потому, что по содержанию она мало чем отличается от сочинений XVI века.

Андрей Иванович Лызлов (около 1655— около 1697) был служилым дворянином, в 1677 году он получил чин стольника. В 1680–х годах он находился в Москве и по знакомству отца имел доступ к материалам патриаршей и монастырских библиотек. Кроме того, знание латинского и польского языков дало ему возможность пользоваться европейскими историческими печатными книгами. Русские исторические сочинения тогда находились только в рукописях. Своими источниками он считает 16 крупных произведения русских и украинских, польско-литовских и итальянских авторов. Среди них имеются такие работы, как «Казанская история», «История о великом князе Московском» А.М.Курбского. «Записками о московитских делах» С.Герберштейна он пользовался очевидно через польского историка Скрийковского на польском языке. На русский язык труд С.Герберштейна тогда еще не был переведен. Эти работы непосредственно касаются истории Казани, хотя и в других

источниках о ней имеются некоторые сведения. Книга А. Лызлова впервые была издана Е.В. Чистяковой в 1990 году.

А. И. Лызлов началом г. Казани считает 1257 год. По его мнению сын Батый хана Сартак якобы пошел походом на русские земли, но русские откупились. А Саин Сартак (Сартака Саином не называли и его поход не известен) стал искать место строительства города и нашел его «на место на самой уkraine Российской земли, на реке Волге, на сей стране реки Камы, концем прилежащее к Болгарской земле, другим же к Вятке и Перми, иже бяше всякими довольстви преисполнено» (103). Эти слова взяты из рукописного тогда «казанского летописца», известной впоследствии как «Казанская история». Автор широко использовал ее, хотя и не ссылаясь на нее. Например, повторяется та же легенда о змеином гнезде, как и в «Казанской истории», якобы колдун, собрав змей в кучу сжег их (104) и на этом месте Сартак построил город. Интересно, Лызлов такую же легенду распространяет и для Крыма. Будто близ Бахчисарая в горах жил «змий великий, людей и скоты пожирающий». Греки и генуизцы с помощью «пресвятой Богородицы» злого змею разодрали и жгли огнем (105). Используются некоторые другие легенды о чудесах и провидениях, о которых говорилось выше.

О вере в чудесах и провидениях тогдашних авторов хорошо и обобщающе писала Е.В. Чистякова: «Основным философско-историческим принципом средневековой историографии являлся провиденциализм, который выражал миропонимание людей феодальной эпохи» (106). В русской историографии тенденция к провиденциализму существовала почти до XX века. Это происходило из веры в бога, воли провидения, представления о потустороннем божественном предначертании всего происходящего на земле.

По Лызлову Сартак строил не только город, но и образовал первоначальное Казанское государство в том же в 1257 г. «И приложи царь Саин к Казани граду болгарския грады со всеми людьми в них и в уездах живущих, да обладаются казанским царем. И бысть той сталный град вместо Бряхимова болгарского града» (107). Не указывает ли это сообщение на образование Казанского княжества, известного по сообщениям летописей XIV в. Историками сообщено, что феодальная раздробленность усилилась при Золотой Орде (108). Поэтому, вполне возможно, что Лызлов прав об образовании «первоначальной государственности Казани». Повторяю, русские ханами признавали только чингизидов Золотой Орды,

остальных местных правителей называли князьями и княжествами. А само булгаро–татарское население своих правителей никогда не называло русским титулом «князьями» и свое государство «княжеством». Называли они их «эмирами», «хакимами», «ханами» или «патшами».

Расхождение с «Казанской историей» у Лызлова в датировке основания Казани. Как известно, первая из них такой датой считал 1177 г., а у Лызлова 1257 г. Один писал о домонгольском периоде, другой связывал ее прямо с монголами. Но мы знаем, что оба были не правы. Надо отметить и то, что «Казанская история» тоже писала об образовании Казанского царства в составе Золотой Орды, но очень туманно, путанно и ругательно (109).

Главное внимание Лызлов уделял проблеме взаимоотношений Московского великого княжества с Казанским ханством и стремлениям о включении Казани в состав Московского государства. По военно–политическим вопросам он писал не мало, но как и в прежних сочинениях о самом городе, о виде и строительном облике Казани у него почти ничего нет. Пожалуй в Казани он не был.. Вслед за «Казанской историей» автор писал о сражениях Улу Мухамеда у г. Белева в 1438 г. по Степенной книге, а в 1441 г. как он пришел к Москве, в 1445 г. к Мурому и в Суздаль. 2 раза подробно описан Суздальский бой, упомянуто и пленение Василия II. Отметим, что Лызлов в датировке событий и участия в них отдельных лиц во многих местах ошибается, допускает перемещение участников. Так же надо сказать, что автор писал о Золотой Орде, Крымском ханстве, Турецком султанате, на которых мы не останавливаемся, если это не касается Казани. Казанское царство, писал Лызлов, с давних времен было славным, известным не только русским, но и многим иностранным странам. «о нем же иностранные историки и всего света описатели не умолчиша описати» (110). Далее автор со слов польского историка Александра Гваньини писал: «Татарове казанские суть лучше иных татар и ничто учтивости имеют в себе множае иных, домостроительству и земледельству весьма извечны и разумны. Сии в домах, а не в пустых катадрах или сенях пребывают, купечество и мены торговые с Москвой и персами имеют» (111). Эти слова принадлежат С.Герберштейну. А.Гваньини широко пользовался трудом последнего.

О границах Казанского ханства Лызлов сообщает следующее. От Нижнего Новгорода по обе стороны вниз по Волге до Булгарских границ до реки Камы, на северо–запад до Вятских и Пермских земель, на

юге до половецких степей. Здесь у него как будто противоречие: он отделяет Казанское и Булгарское государства. Я пишу «как будто» потому, что он булгарские земли разделяет по эмиратам (княжествам), о чем уже упомянули выше. Далее Лызлов сообщает, что в 1396 г. царевич Ентяк по зову Суздальского князя Симеона воевал за Муром, а Василий Дмитриевич Московский послал брата своего Юрия Дмитриевича воевать казанцев. Войска Юрия взяли булгарские города Казань, Болгары, Жукотин, Кирменчук и другие казанские села. После чего Казань пустовала, как и в «Казанской истории». Так же о приходе Улу Мухамеда в «пустую» Казань близ «старой Казани» построенной Сартаком, который никогда не был в Казани. Затем рассказывается о войне Москвы с Казанским ханством с целью посадить на казанский престол городецкого хана Касима. Описав военные действия в 1467–1470 гг. автор на основе сочинения Гваньнини остановился на семейных обстоятельствах Улу Мухамеда. Его внук, сын Махмута Халил хан умер, оставив жену Нур Салтан, которая вышла замуж за брата Халила Ибрагима. Последний скончался в 1479 г., после чего Нур Салтан вышла замуж за союзника Ивана III крымского хана Менгли Гирея. Сыновья от Ибрагима Мухамет Амин и Абдул Лятыф отосланы были первый в Москву, второй в Крым, а в Казани остался ханом Али хан от первой жены Ибрагима Фатымы. В 1487 г. Москва послала большое войско на Казань. Город взяли, хана Али и его семью: мать, жену, сестер и двух братьев пленили и увезли в Москву. Все так, как и в других источниках, о чем мы уже писали (112). При рассказе о событиях 1505–1508 гг. Лызлов писал, что Махмет Эмин разграбил русских и других купцов на ярмарке и обогатился безмерно « содела себе венцы златы, и всякую утварь царскую також де и сосудов серебряных; и к тому уже не ядше ис котлов и ис корыт, яко пес некий» (113). В 1508 г. московские войска, якобы, наступали на Казань и произошло сражение. Все это, как и в «Казанской истории» не верны. Здесь же Лызлов повторяет те же ругательства «Казанской истории». Далее идут известные рассказы о воцарении Шах Али, минуя Сахиб Гирея, о хане Сафа Гирее. Почему он не писал о Сахиб Гирей Хане? Или автор путает эти две имени, или ему все равно как их называли. При описании Крымского ханства у него действуют два хана Сет Гирей и Сафа Гирей. Как известно, Сахиб Гирей ханом Крыма стал в 1532 г. Лызлов кажется не разобрался с личностью Сахиб Гирея.

3–я глава III части называется «о покорении Казани к Московскому

государству, и двократном послании в Казань на царство царя Шигалея, и о многих бранех на Казань» . Здесь автор писал, что в 1519 г. Казань покорила Москву, приняв Шигалея царем. Однако поведение Шигалея было нетерпимым для казанских татар и он был изгнан из Казани. Ханом стал крымский царевич «Сапкирей» в 1521 г. Началась война между Москвой и Казанью. Война 1521–1524 гг. была опустошительной как для Московских, так и для Казанских земель. Лызлов описывает это очень кратко, о войне 1530 года более подробно, потому что первая из них окончилась неудачно для Москвы, а вторая была очень кровопролитна для казанцев. Острог был сожжен и взят, потому что татары были «тогда от пьянства крепко спящим». А хан Сафа Гирей, по словам Лызлова, «ночью побежал из града сквозе все российское воинство» в Крым, чего в действительности тогда не было. Тут же идет рассказ о воцарении Еналея, но через год его убили, пишет он. В действительности это было через три года. В 1546 г. царь Шах Али правил в Казани один месяц и его спас Чура Нарыков.

После смерти Сафа Гирея, пишет Лызлов, осталась царица «Сенбук» (Сююнбикэ) , «имущи у себя царевича имянем Утымыш Гирея. И оттого времени царь и великий князь (Иван IV) непрестанно посылалше многие воинства воевати Казани и областей ея» (114). Глава 4 этой же части имеет название « о походе под Казань царя и великого князя Иоанна Васильевича, и о поставлении Свяжеска, и о мученицах, и о чудесных делех бывших в Казани». После неудачного похода под Казань в 1550 г. Иван Грозный посылает войска под началом царя Шах Али строить крепость Свяжск. По словам автора было 9 воевод, по летописям же 15 воевод со своими полками. Неточности и ошибки допускались и в дальнейшем, как и в «Казанской истории». Таким же враньем является то, что царица Сююнбикэ послала в Свяжск Шах Алию какую-то ядом пропитанную пищу, а тот дал кусок собаке и она тут же подохла. Затем отдельные места книги занимают рассказы о «мученицах» христиан, «о чудесных делех бывших в Казани и о знаменях» Их количество меньше, чем в «Казанской истории» но по содержанию они иногда различаются. Например, один татарин «юродствуя в Казани вопил царю» Сафа Гирею «не жити zde татаром , но русским людям», хотели его убить, но царь велел его запереть в мечеть. А он выломал дверь и опять закричал о том же и проклинал татар. О том же толковал, якобы, «Гаугаршад , яже бяше сестра Махмет Эминю царю» и т.д.

Далее идет повествование «о походе царя и великого князя Иоанна Васильевича под Казань, и о совершенном взятии ея, и о покорении всего того царства» (глава 5). Здесь тоже ничего нового, неизвестного нет. Вышеописанное нами тоже только для ознакомления читателей с этим сочинением. Но надо сказать то, что Лызлов представляет Ивана IV «миролюбимым царем», он посылал казанцам «миролюбивые и милостивые грамоты», он простой солдат, заботливый о своих войнах и государстве и т.д. Вся глава о завоевании Казани проникнута безмерной апологией Ивана IV. Из Царственной книги взяты такие слова. По пути к Казани «сами звери, яко лосей, оленей, коз, кабанов и прочих, також де от воздуха птиц премножество и в водах рыбы сами прибегаху, прилетаху и приплывытаху» (115). Так русское войско сам бог кормил на всем пути. Взятие города описано довольно в широком плане, но как уже сказали конкретных новостей нет.

В заключение скажем так.

Судя по произведению А.Лызлова дворянская историография до конца XVII в. по сравнению XVI веком не сделала ни одного серьезного шага вперед. Те же рукописные сочинения в том же убогом уровне и состоянии.

По своему идейному настрою «Скифская история» Лызлова об истории Казани принадлежит к духовно–дворянской публицистике. Например, он, как и Пересветов ратует за дворянские интересы, как и православное духовенство проповедует божественность в захвате чужих земель, как и «Казанская история» заинтересована в богатстве московского государства за чужой счет.

Он много писал о народах, вроде отличает булгаро–татар от золотоордынских татар, но относится к тем и другим враждебно.

Повесть о Казани кончается сообщением о радости по случаю взятия Казани в Москве, во всем Российском государстве и «окрестных христианских странах, а так же о начале крещения «во имя отца, сына и святого духа» покоренных народов.

Лызлов ратовал за превосходства русского народа. Претензия на право превосходства одного народа над другими всегда вызывала неприязнь и сопротивление к первым со стороны других. Это всемирно исторический факт и его должны бы понять современные шовинисты.

3. Писцовая книга Казани 1565–1568 гг.

Писцовая книга города Казани 1565–1568 гг. составлена окольным Микитой Васильевичем Борисовым и Дмитрием Ондреевичем Кикиным. Подлинник не сохранился. Список с подлинника был сделан в XVII веке и ко времени пользования стал очень ветхим. Впервые был опубликован в 1877г. К.И.Невоструевым, но с очень большими дефектами. В 1932 г. Писцовая книга снова была опубликована (116) в серии «Материалов по истории народов СССР». К изданию ее подготовил известный историк истории Казани, доктор исторических наук М.Г.Худяков, работавший тогда в Ленинграде в Историко–Археографическом институте Академии наук СССР. Очевидно ему пришлось, приложить не мало сил, чтобы восстановить надлежащий вид писцовой книги. В этом ему помогло глубокое знание древности истории Среднего Поволжья и его центра г.Казани.

Писцовая книга Казани 1565–1568 гг. является важнейшим источником истории города; она описывает его состояние и вид в середине XVI в., ненамеренно включая татарскую эпоху Казани.

Она начинает описание с Кремля, по ее терминологии города. Основная же часть его называется по старому – посадом.

Город был обнесен каменными и дубовыми стенами протяженностью 893 сажени (1902,09 м. – Сажень равнялся тогда 2,13 м.) Каменные стены «от наугольной стрельные до Спасских ворот меры 26 сажень» и «300 сажень до Никольских и Воскресеньских ворот» и еще «каменные же стены меж городских дубовых стен меры 15 саж». Далее писцы указали, что новые дубовые стены города сделаны были в 1564–1565 годах всего длиною 578 сажени.

Таким образом, Кремль тогда была обнесена 726,33 м. каменной, 1231,14 м. новопостроенной деревянной, но эти цифры не совпадают с общими.

Стены имели, – пишут авторы, – 4 ворот и «пяты под деревянную стрельною». Где, на каких местах были эти ворота? Двое из них всем нам известные, эти Спасские, тогда называвшиеся Царские или Ханские.

Кстати, надо отметить, что Казанских ханов источники называют царями и оставшиеся после них памятники Царскими. И Тайницкие, раньше называвшиеся Муралеевыми (От имени Нур Али князь Булата

сын Ширин) стали называться Никольскими. Царские (Спасские) ворота имели башню с церковью над собою и коленчатый проезд, Нуралеевы (Никольские) ворота близ Сююмбекины башни имели рядом туннель к ключу за кремлевскими стенами. Другие ворота – бывшие Елбугины (от Алабуги) на северо–западном углу Кремля стали Воскресеньскими, Тюменьские – на юго–восточной стене Кремля стали называться Преображенскими или Сергеевскими от имени Сергиево–Преображенского монастыря. Пятые ворота находились над оврагом к Казанке Сбойливые получили название Дмитриевские, а позднее Кансистерские от близстоящей Консистории. Далее писцы отметили, что Кремль охранялся воинскими силами очень тщательно; за каждым воротами были назначены ответственные воеводы с соответствующим числом воинов. Они ежедневно с заходом солнца затворяли свои тяжелые, железом окованные ворота на ночь и с восходом солнца открывали их. Подчиненные этим воеводам городничие вечером относили ключи от ворот большому воеводе, а утром от него ключи относили к тем меньшим воеводам. Большой воевода ночью объезжал кремлевские стены, башни и ворота, проверял караул и дежурных детей боярских. Один из меньших воевод являлся дежурным и его люди всю ночь проверяли сторожевые посты (117). На башнях (а непроезжих без ворот башен было 13), имевших военное значение, постоянно стояла стража из боярских детей и стрельцов, вооруженных рушницами и пищальями от 4 до 10 человек. По внутренней стороне кремлевской стены ходили вооруженные патрули 4–6 чел. Все они находились под бдительным надзором кремлевских воевод.

Описанные стены были из белого камня, до нас они не дошли за небольшим исключением, т.е. кое–где имеются остатки стен из белого камня. Далее «Книга» описывает внутренность Кремля. Считая от внутреннего северо–восточного угла Спасской башни до ворот Тайницкой башни длина главной улицы Кремля была более 528,06 метра. Были и мелкие переулки и тупики. Оставшиеся от ханского времени здания использовались в качестве складов. О разрушенном ханском дворце писцовая книга писала: «Да у Введения пречистые место, что был царев двор, а на месте две палаты старые, у одное палаты сушило на подсенье, да изба 4–х сажен меж угол, да перед Царским двором палата старая же, да подле Царского ж двора полата» и далее. У «Царского старого двора в мечети»,– сообщала она,– 640 ядер, старые оружия, железный лом. и

всевозможные вещи ,утварь, холст, лен и т.д. Еще указаны мечети напротив каменного собора Благовещения, мечеть у Нуралеевой башни – «у монастырского двора Илантовского мизгить (мечеть), что была Муралеева» (118). Это была мечеть на юго–западе от царского двора близ Сююмбекиной башни. Об этой мечети мы писали на страницах газеты «Шехри Казань» от 11 октября 1991 г. «Царский старый двор» представлял собой ряд каменных зданий: ханский дворец, две каменные палаты и один деревянный дом. По словам известного Карла Фукса, был «в 1807 году разломан в здешней крепости ханский дворец – последний остаток ханской архитектуры» (119). Кроме указанных каменных зданий в «Книге» упоминается еще о каменных палатах в царском дворе, у двухэтажной «Муралеевой палате» у Благовещенского кафедрального собора (120). Таким образом из Татарской Казани ко времени 1565–1568 гг. остались полуразрушенных 5 каменных зданий.

Сообщается, что от Спасских ворот прямая улица вела к Никольским (Тайницким) воротам. Сразу же после входа вправо от Спасских ворот находился деревянный «государев двор», состоящий из апартаментов большого воеводы и вспомогательных построек. «Книга» указывает «на правой стороне столовая 7 сажень, постельная 4 саж., изба хлебная 4 саж. Длина двора 60 саж., поперек 25 саж.» Рядом с ним располагалась воеводская канцелярия. Позднее недалеко от нее были построены польская изба и аманатский двор. Далее к северу–западу начинался с конюшенного двора «архиерейский дом», находившийся на месте современного здания Министерства здравоохранения. Он занимал большую территорию. Здесь стоял дворец архиерея, церковь, Благовещенский собор и хозяйственные постройки. Благовещенский собор был заложен сразу же после взятия Казани и строительство было закончено в 1561–1562 гг. Собор был тогда значительно меньше , чем сейчас. Древняя, восточная часть его выстроена была из пиленого известняка. От той древности остались только часть стены и центрального купола. Внутренность изменилась со временем до неузнаваемости.

Как известно, правительство Ивана Грозного учредило в Казани специальную епархию и в начале 1555 г. архиепископом Казани, Свияжска, Васильсурска и Вятки с их округами был избран Гурий. Архиепископ Гурий по наказу царя Ивана и митрополита одну из своих главных задач считал проведение христианизацию татарского населения.

Указанный писцами его дом сделался своеобразным учреждением

для крещения казанских татар. В этот дом их вызывали, увещевали, поили медом, т.е. подкупом и другими ухищрениями старались крестить. Даже уголовных преступников архиепископ мог упротить у воевод и выволить их из беды крещением. Хотя об этом писцовая книга не писала, но об этом писалось в царской грамоте 1555г. Гурию, которая является так же немаловажном источником по истории. Далее к северу–западу от архиерейского двора до Воскресенских ворот тянулись хлебные и соляные амбары. На левой стороне большой улицы от Спасских ворот описываются часовня, изба дьячья, Преображенский монастырь и т.д.

Еще в 1553 г. известный и крупный духовный феодал– Троицко–Сергеевский монастырь, находящийся под Москвой, по грамоте царя Ивана получил в казанском Кремле место для строительства дочернего филиала –церкви и монастыря и появился названный монастырь.

«Книга» описывает всего 11 церквей с их ругами и без руг. (жалованиями). Надо сказать, что Кремль был достаточно заселен. Вот что писали Борисов и Кикин: « Да внутри же города церкви ружные да не ружные и двор государев и житница и архиепискупль двор и воеводские и дьячьи и князей и детей боярских, старых и новых казанских жильцов и годовальщиков, князей и детей боярских иногородцев и монастырские церковные и всяких людей, у которых дворы внутри города и пустые дворы и места дворовые, у которых государей не сказали, и то все писано порознь» (121). Можно сказать, что в Кремле в 1565–1568 годах было более 150 дворов, среди них большие боярские хоромы, где жили 5 воевод, князья , дьяки и высшее духовенство, а так же средние и мелкие дворы служилых и др. Указывается, что существовали «4 тюрмы, опальная (по–нашему предворительно заключенных), да две татинные (т.е. для разбойных дел), да женская, а у тюрем изба сторожевая» (122).

Далее писцовая книга переходит к описанию посада, по нашему самого города вне Кремля, который был отделен от «города» Тезицким оврагом.

Посад был так же обнесен деревянной стеной , состоящей из бревенчатых срубов и оставшейся от ханской Казани. Эта стена или острог тянулась от западной кремлевской стены с Аталыковых ворот по правой стороне (от озера Кабан) Булака до современной улицы Университетской, по ней в гору на северо–восток приблизительно до современного Оперного театра и далее по современной улице Карла Маркса до

Кремля. Мы говорим приблизительно потому, что тогдашний рельеф и местности не совпадают нынешними улицами и местностью. Исключение составляет юго-западная сторона посадской стены. Как показывает писцовая книга острог здесь перешагнул за Булак и шел по его левой стороне от Кабана. Стена за Булаком появилась после того, как татарская Кураишева слобода была передана архиепископу Гурию в 1555 г. под огородные участки. Писцовая книга упоминает стену за Булаком как «новый острог» (123). В целом об остроге она сообщала так: «В Казани же около Казанского всего посаду крепости от города Казани от городских деревянные дубовые стены выше Воскресеньских ворот от нижнего Поганого озера горою и по Арскому полю мимо старого городища и до Булака до Большого и по Забольшому Булаку до гнилого Булаку ставлен острог по крепостям, по горам и по заразам (оврагам), а где острог без крепостей и по ровному месту, в тех местах по-за острогу рвы невеликие копаны подле острогу» (124). Если бы мы шли вдоль стен татарской Казани то на пути остановились бы у городских ворот. По писцовой книге число и местоположение их определить точно невозможно. А в целом, учитывая данные всей совокупности источников их было 9. Аталыковы перед Тюменскими воротами Кремля, недалеко от устья Булака в Казанку; Крымские – напротив середины Булака; Ногайские – напротив Кураишева, где стена поворачивала на современную улицу Университетскую; Царевы ворота на спуске университетской горы к Ленинскому саду; Арские – на месте современного Театра оперы и балета им. Мусы Джалиля; Кайбацкие или Кебекские дальше от него к западу на север; Сбойловые – хотя писцовая книга помещает их на кремлевском бугре, вероятно они находились вне городских стен за погаными озерами. Еще где двое ворот – неизвестно. Все это, конечно, приблизительно. По вопросу местонахождения ворот среди историков нет единого мнения. Недавно опубликованная статья Ольги Сергеевны Хованской «Археологические наблюдения на улицах Казани за 1947–1949 гг» (125) показывает на дискуссионность данного вопроса.

Замечательных объектов внутри посадских стен, который (посад) дальше мы будем называть городом, было несколько. Во-первых это упоминание о «торге»– базаре. «Книга» обозначает «торг» непосредственно рядом с «Тезицким» (купеческим) оврагом, где ныне расположен Национальный музей Республики Татарстан. Базар был на этом месте и при Ханстве. Здесь же писцы отмечали таможенную избу, которая

собирала налоги с торгов, и «важно» – помещение для весов. Самим торговцам запрещалось иметь весы, за казенные весы они должны были платить «весовые деньги». Налогов было много и они были разнообразны: за хранение товара взималась амбарщина, в таможенной избе определяли свежесть и качество продуктов и таможили их, т.е. накладывали тамгу (печать) (126). Книга описывает «Гостинный двор» подробно, здесь по рядам находились 82 амбара, от двора дальше шли торговые ряды, указываются торговые точки и дворы жильцов по рядам (127).

За Булаком, недалеко от современного Педагогического Университета находился «государев двор зеленый, делают в нем серу горячую и зелье (порох) и нефть перепускают» (128). Нефть была известна со времен Казанского ханства, защитники Казани в 1552 г. со стен Кремля на голову штурмующих лили горячий нефть. (129) Далее «Книга» сообщает о наличии на Булаке трех бань – «на Булаке верхние бани, да две бани на Булаке же и одна баня на Поганом озерке». Тут же добавлено, что к устью Булака примыкает «3 поварни, где пиво варят».

Писцовая книга описывал дворы жильцов по улицам. Она называет городские улицы такими именами: Спасская Большая против ворот Кремля, Воскресенская, Проломная, Большая улица, Псковская, Пушкарская, Вологодская, Пивоваренная, Прямая улица к Арским воротам, Воздвиженская.

После описания дворов улиц писцы делали некоторые итоги. Они например, писали, что «дворы князей, детей боярских, старых жильцов – 161; подъячих изб – 5 дворов; новокрещен и толмацких татар служилых – 40 дворов; городских сторожей и нанятых кузнецов и некоторых других – 46 дворов; архиепископовых дворовых – 20; монастырских – 4; попов и дьяконов – 29 дворов». И далее перечислены дворы мастеровых: добрых, т.е. богатых – 8 дворов, средних – 40 дв. и молодых – 552 дв. Всего же заключают писцы 600 дворов, 611 человек мастеровых, т.е. ремесленников. Из новообразованных слобод указаны Ямская слобода 62 дв. и 63 чел.; рядом с ним плотничья слобода 8 дв., 8 чел.; архиепископа слобода 90 дв. и 96 чел.; Преображенского монастыря 39 дв. и 41 чел.

Писцы описали 2 стрелецких голов, 10 дв. сотников, 9 дв. пятидесятников и 549 дв. рядовых стрельцов, а людей всего 557 чел.

Этих двух стрелецких «приборов» головами были Хохлов и Чаадаев (130).

Среди русских дворов встречаются дворы новокрещеных и служилых татар. Например, «двор новокрещена Матвея Нагаева, татарина Утеязи Гурманова и двор татарина Еникея Урмачева; 40 дворов татарских служилых толмачей.

Население города состояло из выходцев и «переведенцев» из других всего 41 русских городов. По данным описи дворов по улицам здесь были псковичей 11, москвичей, новгородцев 5, тверчан 4 и т. д. Среди ремесленников и торговцев были очень разнообразные профессии. Их перечень содержит 119 наименований. По нему можно судить отчасти о занятиях и потребностях населения: кожевников было 21, калачников 33, хлебников 28, холщевников 14, мясников 21, плотников 12, пирожников 23 и т. д.

Общее количество улиц, переулков, тупиков было около 140. А общее количество «людей»— домохозяев подходило к 2 тысячам. Исходя из учтенных писцами и не учтенных нетягловых домохозяев можно установить численность городского населения в 10 тысяч человек.

О торговле в городе мы уже немного говорили. Добавим, что писцовая книга указывает, что среди торговцев некоторые имели от 3 до 10 торговых предприятий того времени. Но, большинство в 345 чел. имело только по одной точке. Эти торговые точки— лавки, прилавки, скамьи, полки, шалашей, квасные бочки и т. д. (всего их было 644) (131) содержали всевозможные товары. Судя по профессиям жителей больше всего было съестного. Среди ремесленников самое большое число принадлежало тем, кто занимался мучными изделиями: хлебникам, калачникам, пирожникам и другим «мучникам». Это говорит о том, что Казань была тесно связана с сельскими районами, откуда поступало достаточное количество хлеба.

Таким образом, Казань по размещению населения разделилась тогда на следующие части. 1) Кремль являлся основным местом жительства прежде всего высшего военно—административного служилого сословия и высшего же духовенства. 2) Посад сосредотачивал в себе главную массу черного посадского, ремесленно—торгового населения. 3) Слободы, входящие в городскую черту, т. е. в посадский острог, распались на: военно—служилые, стрелецкие; служилые не военные (Ямская, плотничья); крестьянские, принадлежавшие духовенству (архиепископского и Преображенского монастыря).

Далее идет новый раздел, которого писцы озаглавили «Заострожье».

Здесь речь идет о местах вне городских стен. Из этих мест замечательным является Татарская слобода за оз. Кабан. В некоторых исторических работах (Н.Ф. Калинин) встречается утверждение, якобы, оставшееся от павшей Казани население было поселено в эту Татарскую слободу. Это, наверное, от желания смягчить ужасы истребления татарского населения города при взятии и последующем распоряжении о выдаче города на разграбление населения солдатам. Население Татарской слободы относилось тогда к лояльным правительству, но не крестившимся татарам, может быть, принявшим участие во взятии Казани выходцам из Горной стороны, Чепецко–Каринским, князя Еналея из Темникова, хана Шах Али из Касимова. О числе татар в их слободе писцовые книги указывают, что там имелось 150 дворов и в каждом дворе живут «семей по 10, а в ином дворе больше 10 семей» (132). Отсюда выходит, что татарских семей было 1500 и с умножением число семей на 4 человека (средний состав семьи) получается 6 тысяч человек общего населения. Встает и такой вопрос: как могли жить в одном дворе более 40 чел.? Но нам известно, что в одном дворе бывало несколько жилых изб. Может быть, 6–8 избы в одном дворе поместили и 10 семей. Для слободы после ее образования выделены были 4 приказчика из детей боярских по управлению слободой. По данным книги эти приказчики давали сведения воеводской канцелярии о состоянии слободы и ее населения. Кроме них, был еще староста, по-видимому выборный из среды татар (133). Отмечено еще одно слобода: «Новая слобода против татарской слободы за острогом двор татарский с таможенной избыю да огороды всяких людей да слобода татарское» (134).

По моему, здесь уже возникал татарский базар, где татарское население организовывало торговлю. Им же не разрешался вход в город тогда.

Писцы отметили так же мельницу на р. Ички Казани, но в другом месте речь о 2–х мельницах идет на устье Булака в Казанку. Они принадлежали архиепископу. Интересно еще вот что, Писцовая книга писала о лугах и «животинных выпусках» в следующих выражениях: «от Аметьевских отхожих лугов выпуски 2 версты», Атарские луга – сенокосы и «животинные выпуски». «Кулмаметовы земли – архиепископа ...животинные выпасы 2 версты» и т.д. Но, книга не называет их деревнями, хотя бы бывшими, а указывает их только как местность. Очевидно татарские деревни вокруг Казани были ликвидированы в ходе боев за Казань. После ее взятия дер. Большие Отары принадлежали как по-

местье князю Троекурову.

А Кулмаметова слобода на Кабане и за Булаком, большое татарское село, вначале была жалована в поместье воеводе Булгакову, затем архиерею. Ометьево принадлежало также архиерейскому дому. Армянская слобода татарской Казани (в районе современной улицы Суконной) в книге XVI в. не упоминается. Жители – армяне, наверное, тоже убежали от нашествия. За Казанкой напротив Кремля и недалеко от Зилантовой горы находилась дер. Бишбалта, от нее к северу–западу дер. Ягодное (позднее Ягодная слобода), принадлежащая воеводе Булгакову. Писцовая книга напоминает здесь еще Кадышевую и Казыметевую дороги. От этих дорог писцы мерили луга, сенные покосы и леса (135). От Кадышевой дороги луга и лес доходили до Кокшаги, как принадлежащие к Казани, а от Казыметевской до Волги и по ней 30 верст так же считались казанскими. Писцы считали не только десятины, но и сколько копен сена дают эти земли. Оказалось всего 2461 десятина и 73830 копен. Таким образом город мог готовить на зиму 22149 тонн сена, что хватило бы для такого же количества лошадей. Отсюда видно, что какое большое место занимало в жизни населения города скотоводство. Писцовая книга не упоминала о заняти населения хлебопашеством. На дрова и другие хозяйственные нужды для города были выделены лесные массивы. Они находились, в основном, в Арской стороне и за рекой Казанкой, на севере от с. Ягодное. Сосновые и смешанные леса, чем богаты были тогда окрестности Казани, удовлетворяли все потребности города как оборонительно–строительные, так и хозяйственно–топливные.

В конце книги «Материалы по истории Татарской АССР», где помещена «Писцовая книга» приведены несколько таблиц, относящиеся к цифровым данным населения города. Некоторых из них мы однажды включили в книгу «Источники по истории Татарстана» (136).

4. Переписная книга Казани 1646г.

Подлинник «Списка с переписных Казанских книг письма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154–го году» сохранился и опубликован в той же книге «Материалов...» 1932 г. По истории Казани XVII в. источников и литературы много. Мы здесь ограничиваемся обзором только «Переписной книги» 1646 года. А для более полного ознакомления с историей города рекомендуем книгу «История Казани»– 1–ая книга. –Казань, 1988.

«Переписная книга» представляет собой, в основном, опись дворов по улицам с указанием профессий или занятий жителей города. По сравнению с «Писцовой книгой» 1545–1548 гг. об изменении города можно сказать следующее. Городские стены удлиннились в западно–северной части, около Кремля, где в городскую черту включено устье Булака в Казанку. Аталыковые ворота и мельницы оказались внутри города. На севере, востоке и на юге стены острога без больших изменений оставались такими же, какими были в XVI в. Больше стало число слобод. «Переписная книга» учитывала жителей следующих слобод: Гавриловской, Болдырской, Федоровской, Армянской, Засыпкиной, Богоявленской, Ямской, Мокрой, села Плетени и Татарской. В том же веке появились новые слободы: Рогожкина и Бутырская за Булаком, у Нижнего озера Кабана – Сотенная и Панская, на берегу Казанки – Подлужная, за Казанкой – Кизическая и Козья.

Переписчики счет вели по отдельным группам жителей, учитывались только главы семейств, т.е. домохозяева. Так, посадских домохозяев было 2540 чел., зависимых от них людей (соседи, бобыли, купленные, гулящие и некоторые другие) в книгу занесено 2211 чел.

Вторая группа – это дворы попов, дьяконов, паономарей и др., т.е. казанского духовенства. Всего дворов или домохозяев этой группы было 104 с населением 243 чел.

Третью группу составляло нетяглое (освобожденное от налогов) население города: дворяне, стрельцы, служилые татары, иноземцы, пушкари, дьяки, толмачи и некоторые другие служилые. Их всего было 225 домохозяев и 126 чел., «живущих при них» (137).

Всего, таким образом, в городе насчитывалось 5345 чел. глав семейств.

Если считать, как это делается для того времени, что на одного мужчину приходилось 4 человека неучтенных женщин и детей, то общее

количество населения города будет 21,3 тысячи человек. Однако, надо иметь в виду, что данные переписчиков не исчерпывающие. Из служащих, например, в книгу записаны только те, у которых во дворах жили дворники или зависимые люди. Как видно, население города по сравнению со второй половиной XVI в. увеличилось довольно значительно при очень небольшом увеличении площади города. Это объясняется тем, что в черте города пустых мест, оставшихся от предыдущего столетия, было немало.

Число жителей в Татарской слободе не увеличилось. Насчитывали 39 дворов служилых (видимо эти дворы не входили в посадскую общину) и 105 дворов слободских же татар, которые несли тягло, т.е. платили налоги и несли другие повинности вместе с посадскими людьми. Зависимых от этих домохозяев людей было 216 чел. Кроме того, указаны еще другие разные категории из татар в количестве 52 домохозяев: бо-были 11, соседи 19, купленные 7, гулящие 3 и некоторые другие. Родственников и зависимых от них людей было 47 чел. Таким образом, число всех домохозяев или дворов доходило до 195, а зависимых от них людей 263 чел. Если общее число мужского населения (458) умножим на 4, то получим 1832 чел., на несколько тысяч меньше, чем в 1565 г. Но, как видно, количество дворов увеличилось на 45 единиц.

Кроме татар на посаде и слободах жили представители других народов. Так называемые в книге «иноземцы» в большинстве случаев не определены по национальности. Среди них были немцы, поляки, евреи и т.д. Их всего насчитали 26 домохозяев и зависимых от них 19 чел. Следующую группу составляли ногаи – 19 и 13 чел.. Затем шли армяне – 6 и 7 чел., марийцы – 4 и 1, чуваш – 1, калмык – 1 чел. Новокрещенцов в Казани тогда было в 7 дворах (138).

Функционировала татарская судная изба, ведавшая разбором дел между татарами. Очевидно, она ведала «судные дела» всех татар Казанского края. Для Татарской слободы после ее образования выделены были 4 приказчика из боярских детей по управлению делами слободы. По данным писцовых книг 1565–1568 годов эти приказчики жили в своих домах в Татарской слободе, переписная же книга 1646 г. указывает только на одного подьячего татарских дел, который жил в городе, т.е. на посаде. Возможно, что четырех приказчиков XVI века заменила эта татарская «судная изба» подьячего со своим чиновничьим аппаратом

В социальном отношении население разделялось на различные ка-

тегории.. Дворяне и дети боярские, причем переписная книга их уже не отделяет друг от друга, составляли привилегированный, самый верхний слой феодального общества города, бояре– воеводы и высшее духовенство, имея военно–административную и духовную власть, по прежнему верховодили ими. Книга 1646 г. количество военных сил Казани не показывает. К верхнему слою примыкали также люди управленческого аппарата: дьяки, подьячие, приказчики и некоторые другие служилые люди.

Посадское население эксплуатировалось градоначальником с его судной избой, т.е. чиновниками и купцами– богатеями, которых источник называет «гости торговые и откупщики». Последних было немного, указано только 8 чел.. Но, они держали в своих руках всю оптовую торговлю, закупали ремесленные товары и тем самым держали в зависимости посадских людей.

Переписная книга содержит ценные данные по количеству разного рода зависимого населения. Их общее количество было 1118 чел. мужского пола. Среди них соседи составляли 450, наймиты и работники 170, дворники 169, живущие «урочные годы» 33, ученики 68, купленные 85, крепостные 61 и закладные кабальные, взятые за долг, дворовые и т.д.

В 1646 г. числилось 119 профессий ремесленников с 1812 участниками производства. Внушительным большинством в общем числе выступали, конечно, посадские люди с зависимыми от них людьми – 555 домохозяев и 781 чел. зависимых. За ними шли бобыли, соответственно – 106 и 87; разные нетяглые люди – 43 и 40; соседи – 38 и 29; гулящие люди – 21 и 15; монастырские слободчане – 23 и 27; дворники и другие (139). Стрельцы в это время ремеслами и торговлей занимались слабо. По числу людей, занятых в определенном виде ремесла, на первых местах стояли следующие профессии: асламчеи (перекупщики, барышники, прасолы) – 172 чел., сапожники – 135, кожевники – 111, портные – 90, мясники– 72, хлебники – 65, строгальщики – 60, калачники – 55, скорняки – 54, шапочники – 54, рыбники – 45, мельники – 38 и т.д. Остальные виды ремесла были представлены меньшим количеством людей, в большинстве своем одним или двумя ремесленниками. Профессии ремесленников и их количество показывают не только на занятость населения и его спрос на ремесленные изделия, но и на некоторые изменения в жизни посада по сравнению с предыдущим столетием. Например, в XVI веке асламчеев не было, было только несколько откупщиков.

А в 1646 г. число перекупщиков, барышников стояло на первом месте. Это говорило о том, что торговые отношения осложнились, расширились и вступили на новую стадию развития. Ремесленные изделия поступали уже на продажу не прямо с рук непосредственных производителей города, а концентрировались в руках перекупщика или прасола, и через них распространялись не только в городском торгу, но и на периферии, экономически связывая, таким образом, отдельные области, сельские районы с городом.

Представители обувного производства и одежды вышли на второе место, обгоняя изготовителей готовой продукции питания. Это говорит о том, что продукция выпускалась с расчетом на постоянное население, чем на пришлое. В XVI в. готовая пищевая продукция большой процент имела именно в расчете на пришлый служилый люд. Хотя она и в 1646 г. имела внушительные размеры, но все же уступала изделиям одежды и обуви.

Несравненно больше стало число мельников. Если в 1565–1568 годах в Казани было 3 мельницы, то в 1646 г. их стало 10.

Основным центром торговли в городе продолжал оставаться гостиный двор на прежнем месте, где находились разные постройки, большие амбары и множество лавок. Напротив и в стороны от него тянулись по прежнему мясные, рыбные, кожевенные, обувные, хлебные, новые медные и железные и другие ряды. За гостиным двором, в сторону современной Профсоюзной улицы, функционировали скотный (называли и конным) и сенные рынки.

Казань в XVII в., являясь в первую очередь военной крепостью, выступала как крупный торгово–ремесленный центр обширного края. Реализацией своей продукции ремесленники усилили не только внутреннюю, но и внешнюю торговлю Казани. Появились также, как новая форма организации ремесленного производства, семейные корпорации и мастерские по изготовлению товаров на рынок. Так, «Переписная книга» 1646 года свидетельствует: «Федосейко Тарасьев, кожевник с сыном с Ыгнашком да с пасынком с Сенькою Семеновым да с племянником З. Гаврилком Остафьевым: у него ж дворовых 5 людей... да крепостных людей: Онкудинко Мелентьев да Гришка Кондратьев, да наймит Кузька Иванов сын устюжанин» (140). Понятно, что этот ремесленник использовал рабочую силу в 11 чел. в своей кожевенной мастерской.. В книге можно насчитать более 12 семейных коопераций, которые держали сво-

их учеников, наемных людей и имели тенденцию превратиться в мастерские. О широте торговых операций тоже имеются примеры. Например, переписчики указали на Шихмаметку Ширгалиева, как на торговца татарина с Сибирью (141). Казань и казанские татары торговали со странами Средней Азии, Сибирью, Кавказом, Персией, не говоря уже об оживленной торговле с Москвой и западными областями страны, особенно с Архангельским.

Все это говорило о том, что значение г.Казани в складывании и развитии всероссийского рынка было очень велико, и она занимала в этом процессе важное место.

«Переписная книга Казани» 1646 г. конкретные сведения о строениях и объектах города не дает. Даже о монастырях и других культовых сооружениях, не говоря уже о замечательных местах Казани мы мало что находим. О них мы знаем по другим источникам, но об этом в дальнейшем.

Напоминаем, что ряд письменных источников, в том числе и по истории Казани, опубликован в книгах: Источники по истории Татарстана (142).

5. Казань на страницах иностранной печати.

Иностранная печать опубликовала много трудов по истории России. Мы здесь останавливаемся только на тех некоторых типичных для нашей темы работ, которые наиболее конкретно освещали историю Казани и татарского народа.

Западноевропейской общественности Казань известна с XIV века. Об этом говорят составленные в Европе географические карты. Пожалуй, такие карты впервые сообщили о существовании Казани и ее земли на Средней Волге. Карта монахов братьев Франциска и Доминика Пицигано составлена в Италии в 1367 г. и является одной из наиболее ранних средневековых карт (143). На ней, на месте, где расположена нынешняя Казань, находится изображение большого города с развивающимся на башне флагом. На картах того времени флаг или знамя означал, что город является столицей. Этот факт дополнительно подтверждает наше утверждение о том, что во второй половине XIV в. Казань уже являлась столицей существовавшего Казанского феодального государства (эмирата), независимо от того, как его не называли: княжеством, царством или ханством, по татарский патшалык и т.д. Независимо так же и от того, была ли она в составе Булгарского царства или Золотой Орды.

Казань с дворцом и тремя башнями, окруженная высокой крепостной стеной, изображена так же на карте так называемого «Каталонского атласа», составленного в 1375 г. (144) в Испании. Источниками этих карт служили, очевидно, рассказы послов, путешественников и купцов, их дорожники или записи. Из XV в. мне известна одна карта – это известная венецианская карта Фра Мавро 1459 года. Эта карта содержит не только русские, но и заволжские земли, включая Казанскую Булгарию, до Сарая и Кумании (половецкую степь) Она составлена, очевидно, по данным итальянско– венецианских купцов, часто ездивших до этого в Золотую Орду.

В XVI в. карты европейского происхождения, где указывалась Казань и ее земли издавались несколько раз. Одна из них, известная тогда карта Мартина Вальдземиллера опубликована была в 1516 г. На этой карте Казанская земля отмечена как область Великой Булгарии. Земля была названа также, а ее столица «Cazan».

Карта 1525г., о которой мы уже однажды писали (145), была составлена и опубликована в Венеции Баттистом Аньезе. Ее источниками,

вероятно, были: карта Фра Мавро 1459 г. и рассказы русского посла в Риме Дмитрия Герасимова. На этой карте указаны три «Тартария»: кипчакские между Доном и Волгой, Волжские–золотордынские, сибирские и ногайские татары с изображениями юрт и кибиток, означавшие о кочевом образе их жизни. Они названы так: «Ногайские тартары», «Шайбани тартары», «Азиатские тартары». Однако, где сказано «казанские тартары» изображен город, а не юрты или шатры.

В XVI в. были еще много других карт. О них академик Б.А.Рыбаков издал специальную книгу (146), доказывая, что европейские картографы использовали русские чертежи или древние карты и записи. Может быть и так, но не один из них не был опубликован. Автор в книге не привел не одного из них.

На опубликованные карты Сигизмунда Герберштейна 1546г., Антония Дженкинсона 1562 г. и Себастьяна Мюнстра– Матвея Меховского 1528 г.мы не останавливаемся, потому что у этих авторов имеются монографии – книги, о чем и расскажем.

Матвей Меховский (1457–1523) профессор Краковского университета, врач создал труд под названием «Трактат о двух Сарматиях, азиатской и европейской, и находящемся в них» (147). Название своей книги автор объяснял так: «Древние различали две Сарматии, соседние и смежные друг с другом, одну – в Европе, другую в Азии». В первую он включил литовцев, руссов от Вислы до Дона, во вторую Сарматия – от Дона на Восток, страны половцев и татар . В другом месте Азиатскую Сарматия автор отождествляет с древней Скифией и в состав скифов причисляет тюркские, славянские и европейские народы (148). Автор «Введения» к книге С.А.Аннинский о Меховском авторе писал: «Он, действительно, впервые развертывает перед европейским читателем новую страницу в книге «великих открытий» и оказывается не только первой печатной, но и вообще первой по времени работой, специально посвященной обзору стран и народов северо– восточной Европы» (149).

Автор М. Меховский был глубоко образованным человеком польской национальности, опубликовал свой труд первый раз в 1517 г. на латинском языке. Трактат издавался тогда в Европе много раз, переводился на другие языки и очень распространился. На русский язык переводился полностью только в 1930 –е годы и был издан в 1936 г.

В «Трактате» о Казани говорится немного. Больше пишется о народах – о татарах Чингиза, Батые и Золотой Орды, о турках, крымских

татар, а так же о литовцах, русских и некоторых других. Автор перечисляет четыре народа татар – «Чагатайских, каковы турки, уланы или перекопские татары, татары козанские, затем татары ногайские». Далее он объясняет: «Третья Орда – казанских татар – названа так по замку Козан, стоящему над рекой Волгой у границ Московии, где они живут» Кстати отметим, он все города называет замками. Например, Нижний Новгород у него «Нижний новый замок». Как и все европейцы автор считает всех татар одного происхождения и не видит различия между ними. Продолжая дальше он пишет, что «эта казанская орда имеет около 12 тысяч бойцов, а при необходимости, когда они созывают и других татар, они могут выставить до 30 тысяч воинов». Свою работу профессор писал в годы протектората Московского великого княжества над Казанью, во времена Мухамет Амина и Шах али хана. Поэтому он отметил: «Об их государях, деяниях и генеологии не пишут, так как они – данники князя Московии и зависят от воли его и в мирной жизни, и на войне, и в деле избрания себе вождей» (150). Это же повторяется в главе «О Московии» на странице 113. Далее автор, говоря о Московии, где все говорят по «русский или славянский» отметил, что «исключение представляют козанские татары. Признавая князя Московии, они, вместе с сарацинами (мусульманами– С.А.), почитают Магомета и говорят на татарском языке» (151). Еще одно любопытное замечание автора: на высокой скале в Крыму, якобы, жил дракон, убивавший людей и скот, так что жители соседних мест бежали, бросив дома пустыми. Греки и итальянцы увидели, что внутри скалы горит свеча, вырезали и высекли в скале ступени и поднявшись, увидели образ пресвятой богородицы со свечой, а внизу дракона, разорванного пополам. Разрубив на куски дракона, его сбросили со скалы. А потом Хаджи Гирей с помощью богородицы, якобы, победил своих соперников и стал ханом Крыма. Легенда схожа легенде с казанским драконом – зилантом, но без богородицы Марии.

Меховский в России не был. У него, как и в карте Мюнстра, много ошибок и неточностей. Однако он первым познакомил европейцев в печати с описанием Руси, Украины, золотоордынских, казанских, ногайских и крымских татар, а так же Турции. Труд Меховского на русском языке опубликован в 1971 г.

Иосифато Барбаро венецианский купец, жил в Тане, так назывался тогда город Азов, в 1446–1452 годах, наблюдал за восточной торговлей

и сам занимался ею. Его записи были опубликованы в Венеции в 1543 г. О Казанской торговле он писал следующее: «это торговый город: отсюда вывозят громадное количество мехов, которые идут в Москву, Польшу, в Пруссию и Фландрию. Меха получают с севера и северо-востока, из области Джагатаев и из Мордовии» (152). О знании его тогдашних обстоятельств торгово-финансовых дел говорит то, что он отметил факт «платы русскими за плавание (по Волге) дань (пошлину) татарам» (153). Если Казань вела такую обширную торговлю, доходя до Нидерландов и Франции, то надо признать, что городская торговая жизнь Казани была налажена и устойчива в 1430–1450 годах. От И. Барабаро не ускользнула и плата пошлины за проход торговых судов по территории Казанского ханства на Средней Волге.

Сигизмунд Герберштейн являлся Австрийским дипломатом и государственным деятелем. Он в 1517 и 1526 годах являлся послом австрийского императора в России и жил в Москве. Образованнейший человек собрал всевозможные сведения о народах и странах, событиях и фактах, в том числе исторических. Знакомился с русскими летописями, другими записями и документами, общался с иностранными дипломатами, послами и представителями разных социальных слоев и народов, в том числе, возможно, и казанскими татарами. В результате появился солидный научный труд «Записки о Московительских делах», так озаглавлен был первый русский перевод. А оригинал был издан в Вене на латинском языке в 1549 г., затем на итальянском в 1550 г., в 1551, 1556 гг. два издания на латыни и еще два издания на немецком в 1557 и 1563 гг. В Европе он широко распространился и им пользовались многие в течении нескольких веков. В России на русском языке он был опубликован впервые в 1908 г. и в последний второй раз в 1988 г., озаглавленный уже как «Записки о Московии». Мы пользуемся обоими изданиями.

О Казани Герберштейн отзывался так: «Город Казань отстоит от государевой крепости Вятка на 60 немецких миль. (Миль примерно = 5760–7200м) Слово «Казань» по татарски значит «кипящий медный котел». А царство Казанское, город и крепость того же имени расположены на Волге, на дальнем берегу реки в 70 немецких милях ниже Нижнего Новгорода; с востока и юга по Волге это царство ограничено пустынными землями; с северо-востока с ним граничат татары, зовущиеся шейбанскими и кайсацкими» (154) (т.е. Казахстан, Западная Сибирь и Средняя Азия). Далее автор отмечает, что царь Казани может выставить вой-

ско в 30 тысяч человек, среди которых чуваша и черемисы (марийцы) «искусственные стрелки». О самих казанских татарах он писал следующее: «Эти татары культурнее других, так как они возделывают поля, и живут в домах, и занимаются разнообразной торговлей» (155). Вообще о татарах в целом он указывает, что «если кто пожелает описать татар, тому придется описать множество племен, ибо это имя они носят только по их вере, сами же суть различные племена, далеко отстоящие друг от друга» (156). И не зря составитель книги «Из глубины столетий» Булат Хамидуллин подчеркнул эти слова Герберштейна, (157) так как он понимал, что среди золоордынских татар было множество племен и средневожские болгаро–татары четко отличались от них. В то же время Герберштейн не оставил без внимания и вопрос о самоназвании племен. Он писал: «...всякая Орда имеет свое название... все исповедуют магометанскую веру; однако, если их называют турками (татарами), они бывают недовольны, почитая это бесчестие, название же «бесермены» (мусульмане) их радует, а этим именем любят себя называть и турки» (158). Поскольку татары населяют разные и далеко и широко раскинувшиеся земли, то «они не совсем походят друг на друга своими обычаями и образом жизни» Автор опять же возвращается к описанию различных народов, названных европейцами и русскими общим именем татары. Проницательное заявление ученого подтверждалось многими фактами последующих веков. Дай бог здравого смысла понять это некоторым современникам, ослепленным этнонимом «татары».

Александр Гваньини (1538–1614) опалачившийся итальянец, жил в Польше и в 1578 г. издал свои труды в одном томе, куда вошло и произведение «Описание Московии». После издания этого тома в Кракове на латынском языке его работы были переведены на польский, немецкий и чешский языки и издавались в 1582, 1584 и 1600 годах. На русском языке «Описание Московии» было издано лишь в 1997 году. В титульном листе книги в заглавии было обозначено не только это, но и описание «Тартария».

Автор писал: «Мы также добросовестно изложили главные деяния или, точнее, тиранию этих времен, проявленную и жестоко осуществленную в короткий промежуток времени тем же самым государем (Иваном IV). Кроме того, мы описали местоположение, нравы и образ жизни степных татар, разделенных, как говорится, на орды или некие области» (159). Однако, переводчик и составитель книги Г.Г.Козлова не вклю-

чила в свою книгу этот раздел произведения Гваньини. Автор описал все русские княжества и владения, в том числе Рязанское, Нижегородское и другие окружающие Касимовское ханство княжества. Наверное, о последнем тоже писал, но в книге Козловой его нет. Авторские рассказы о черемисах, мордве и других народов имеются, а о Казани и татарах почти ничего нет. Судя по всему автор о Казани писал. Источниками его труда были сочинения С.Герберштейна, Шлихтинга, Штадена и другие, которые не обошлись без рассказов и упоминаний о Казани. Им пользовался и русский сочинитель А.Лызлов.

Антоний Дженкинсон, английский купец, по поручению английской «Московской компании» ездил через Московское государство в Среднюю Азию и Персию в 1558–1564 годах. Его записки в русском переводе помещены в книге «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в». Из Москвы его сопровождали татарин толмач и другие англичане и русские. По пути в Среднюю Азию он остановился в Казани и жил здесь с 29 мая по 13 июня 1558 г. О городе Казани он отзывался так: «Оставив Свияжск мы подошли 29-го к острову в одной лиге от города Казани, от которого течет Казанка река и впадает выше-названную реку Волгу. Казань – прекрасный город, построенный по русскому и татарскому образцу, с крепким замком, стоящем на высоком холме». Как предприимчивый купец Дженкинсон больше обращался к местности, дорогам и расстояниям между городами и странами. Далее он продолжал «Замок был обнесен земляным валом с деревянными укреплениями, но русский царь приказал теперь снести старые стены и выстроить новые из белого камня» (160). Здесь речь идет о кремлевских стенах. О городских стенах посада он не писал. Он обращал внимание и на историко–политическую сторону вопроса о Казани. «Казань была очень богатым городом; находясь в руках татар, она была самостоятельным государством, которое более чем какое–либо иное причиняло затруднения русским во время войны. Но 9 лет назад нынешний русский царь завоевал ее и взял в плен ее царя, последний будучи очень юн, теперь окрещен и воспитывается при царском дворе» (161). Этот «последний царь» должен быть Утямыш Гирей хан, а не Едигер, потому что он уже не был «очень юн». Такие ошибки и неточности у Сигизмунда, как и у других, встречаются. Дженкинсон вообще–то писал о трех казанских царях: «при русском дворе имеется три князя, бывших прежде казанскими царями. Царь всех их содержит в большом почете» (162). Эти

три царя были: первый юный царь Утямыш Гирей – Александр Сафагиреевич, сын Сююмбеки, плененный в 1551 г. вместе с матерью. Второй – касимовский царевич, три раза царствовавший в Казани Шигалий–Шах Али хан. Третий – астраханский царевич, последний хан Казани Ядькар–Едигер, крещеный в 1553 г. Семеон Касаевич. На обратном пути Дженкинсон в Казани жил с 28 июля по 7 августа 1559 г. Однако ничего нового не написал.

Кроме Дженкинсона по пути в Персию в Казани были еще и другие англичане – агенты Московской компании Христофор Бэрроу с компанией, Уилльям Тэринбулл и др. Они жили в Казани с 22 по 26 сентября 1579 г. и в обратном пути из Персии с 26 мая по 4 июня 1581 г.(163) Отметим, что по Волге до Нижнего Новгорода кроме Казани других крупных городов не было, поэтому в Казани они оставались на несколько дней, снабжались и отдыхали.

Генрих Штаден, немецкий авантюрист, жестокий опричник Ивана Грозного тоже оставил свои записки «О Москве Ивана Грозного Записки немца опричника». Он прожил в Московском государстве 12 лет, 6 из них в опричнине, а именно в 1564 – 1576 годах Сочинение Г. Штадена на немецком языке оставалось в рукописи до 1917 г. В этом году появилась статья о нем в немецкой печати и сочинение Штадена стало известно русским. Так как оно освещает русскую историю времен Ивана Грозного, то оно было переведено на русский язык и издано в России в 1925 г.

В разделе « как великий князь завоевал и добыл Казань и Астрахань» он писал о постройке крепости Свияжск, и заключил словами «так казанцы лишились свободного пути и постоянно должны были биться и сражаться с русскими». О взятии Казани он писал очень кратко: «Великий князь вновь собрал великую силу и подошел опять к Казани; вел подкопы и взорвал их. Так взял он город, а хана царя Шигалея взял в плен и отдал воинским людям город как добычу. Город был разграблен. Жителей убивали, выволакивали и обнаженные трупы складывали в большие кучи». Далее автор, по – моему, выдумал следующий рассказ: «Затем убитым связывали вместе ноги внизу у шиколоток; брали длинное бревно, насаживали на него трупы ногами и бросили в Волгу по 20, 30–40 или 50 (трупов) на одном бревне» (164). Далее автор писал о том, как Астраханский хан, увидев плывущих по реке бревен с трупами, испугался и бежал в Крым, а русские пришли и заняли город. Во всем

этом правды нет. Штаден мало знал о Казани. Шах Али и Утямыш Гирей не были последними царями Казани. Казань отстояла от Волги в семи верстах и трупов туда не возили. Астраханские события развернулись не так как писал опричник. Однако, показывая жестокости войны, он прав, тогдашние нравы были грубыми и ужасными, а автор сам был жестоким. Штаден упомянул так же о покорении местных народов вооруженной силой такими словами: «Хотя эти два царства были взяты, но оставались еще много мурз, князей или фюрстов, живших в этих царствах, которые (попрежнему) были (независимыми) в своих землях. Этим не легко было покорить, ибо страна раскинулась далеко и широко, как (например) луговые и нагорные черемисы» (165). Автор далее добавил еще одну выдумку. Якобы, русские чиновники Казани пригласили простых людей в гости, угостили их и подарили им золотые вещи и серебряные чарки за их службу. А эти вещи им оставил было царь Иван. Затем чиновники отпускали их в свои земли, чтобы они показали эти подарки тем, которые не думали даже и подчиниться великому князю, а не то, чтобы служить (ему). Знатные люди и местные татарские начальники все же позарились на эти подарки и думали, что им подарят еще больше, чем простым людям. А русские бояре пригласили их на пир, обещая дружелюбие. Однако, «когда они выпив слишком много вина и меда, – к чему не так они были привычны, как русские – достаточно опьянили», всех этих татарских гостей–знатных людей перестреляли. «Тогда поднялся народ, – продолжает Штаден, – и отправился в страну великого князя, пожег много незащищенных городов и увел с собой великое множество русских полонянников, не считая тех, которые были убиты на смерть» (166). Это сообщение можно оценить как отклик о народной войне 1552–1557 годов или же о восстании 1572–1574 гг., когда народные массы развернули вооруженную борьбу против национального гнета.

В западно–европейской печати выпускались разные исторические сочинения, в некоторых из них о Казани упоминается мимоходом и мы решили не останавливаться на них как ничего нового не дополняющих к вышесказанному. А другие кратко сообщают некоторые сведения дополнительно. Для примера можно привести произведение французского капитана Жака Маржерета, который служил в России в войсках в начале XVII в. несколько лет подряд. Его труд «Записки капитана Маржерета» о России конца XVI – начала XVII вв. на французском языке вышел

в 1607 году, на русском в 1830 г. одновременно в Москве и Петербурге. Последнее издание увидело свет в 1982 г. Московское издание 1830 г. называлось: «Историческая записка, содержащие в себе повествование о знаменитейших происшествиях, случившихся в царствование пяти государей, как– то: Иоанна Васильевича Грозного, сына его Федора Иоанновича, Бориса Федоровича Годунова, Лжедмитрия и Василия Ивановича Шуйского, начиная с 1590 по 14 сентября 1606 года; с присовокуплением описания нравов и обычаев двора Российского и нравов народа в то время». Сочинение очевидцем Маржеретом. Перевод с французского. Москва. Типография Лазаревых Института восточных языков. 1830.

Автор о Казани ограничивался только несколькими замечаниями.. «Этот Казанский край был прежде самодержавным татарским королевством, которое было завоевано великими князьями Василием Ивановичем и Иоанном Васильевичем, его сыном. Правитель страны был взят в плен в сказанном городе Казани Иоанном Васильевичем. Он теперь еще живет в Московии, его зовут царь Симеон» (крещеный Ядькаръ, Едигер) (167). Есть и такое указание: в составе русской армии «есть казанские войска, которые как считают, составляют вместе с черемисами почти 20 000 всадников; есть далее татары, которые за ежегодную плату служат императору вместе с мордвинами, они составляют от семи до восьми тысяч всадников. Их жалование от восьми до тридцати рублей». Вот и все, кажется. Все внимание Маржерета о казанском крае и татарах этим ограничилось.

Ученые, купцы и другие люди Англии, Германии, Польши, Франции и других стран интересовались далекой и загадочной страной, называемой Московией тогда или Россией, занимались изучением ее истории. Обращали внимание и на Казань с ее государством. Но больше их интересовало завоевание ее русскими. О ее состоянии естественно они мало заботились.

Конец первой части.

Примечания

1. ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 10 (Никоновская летопись)– С.169 и др.
2. ПСРЛ. Т. 21.(Степенная книга) Ч. 1.–С.309
3. ПСРЛ. Т. 10.–С. 25–26
4. Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII веков) – Казань, 1997. – С.198
5. ПСРЛ. Т.22 . (Хронограф западнорусской редакции 1512 г.) Ч. 2.–СПБ, 1911. С.175–176;
  - 5а. ПСРЛ. Т. 11 (Никоновская летопись).– С.24.
6. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.,1988.–Кн. 1, Т.IV. –С.58
  7. ПСРЛ. Т. 22.,Ч. 2.– 176
  8. ПСРЛ. Т. 9.(Никоновская летопись) –М. 1965. – С. 12–13
  9. Там же.– С. 25
  10. Смирнов А.П. Волжские булгары.– М. 1951, – С. 68–70
  11. Мавродин В.В. О появлении огнестрельного оружия на Руси // Вестник Ленинградского Университета.– 1946. № 3,– С. 69
  12. ПСРЛ. Т. 31 (Мазуринская летопись) – С.93
  13. ПСРЛ. Т. 25 (Уваровский летописный свод 1518 г.) – С. 226
  - 13а. Мухамадиев А.Г. Булгаро–татарская монетная система XII–XV вв. – Москва. 1983. – С.20, 120
  14. ПСРЛ. Т. 12 (Никоновская летопись) –М. 1965. – С. 9
  15. ПСРЛ. Т. 24 (Типографическая летопись) – С. 183 ; ПСРЛ. Т. 20 (Львовская летопись) –Ч. 2.– СПБ, 1914. – С. 259
  16. ПСРЛ. Т. 8. (Воскресеньская летопись) – СПБ,1859. – С.114
  17. Татищев В.Н. История Российская . – М.–Л.,1965. – Т. 5. – С. 259
  18. Вельяминов– Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах. –СПБ, 1863. – С. 4–5
  19. Карамзин Н.М. Указ. соч. –Т. 5. – прим. 320. – С.134
  20. ПСРЛ. Т. 37 (Устюжская – Архангелогородская летопись)–Л., 1982. – С. 87
  21. ПСРЛ. Т. 8.– С ПБ, 1859. –С. 121
  22. ПСРЛ. Т. 25. – С,277 ; ПСРЛ. Т. 28 (Московский летописный свод конца XV века) – М., 1963. – С. 284
  23. ПСРЛ. Т. 25. – С. 279 и др.

24. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1960. Т. 3.– С.68
25. ПСРЛ. Т. 37.– С. 94
26. ПСРЛ. Т. 24. – С. 196
27. ПСРЛ. Т. 37 . –С. 96
28. ПСРЛ . Т. 8. – С. 217
29. ПСРЛ. Т. 31.– М.1968. – С. 117
30. ПСРЛ . Т. 6. (Софийская летопись) –СПБ,1853.– С. 238
31. Лажечников И.И. Басурман. – М. 1989. – С. 124
32. ПСРЛ. Т.33 (Холмогорская летопись) – С.125
33. ПСРЛ. Т. 12. – С.228
34. Сб. РИО. (Сборник Русского исторического общества) Т.42.– С.116
35. ПСРЛ. Т. 6.– С.38; Т. 12.– С. 228–229
36. ПСРЛ. Т. 8– С.231
37. ПСРЛ. Т. 12 . – С. 242
38. Там же.– С. 243
- 39 Там же. – С. 243 ; такие же сообщения в Воскресеньской – С. 232; Типографической – С. 213; Холмогорской – С. 130–131 и других летописях.
40. ПСРЛ. Т. 6. –С. 47
41. Казанская история . – М.–Л.,1954. –С.59
42. ПСРЛ. Т. 13.(Никоновская летопись) –С. 5
- 43 Грек М. Сочинения. Т.2. – С. 335–336
44. Сочинения И.Пересветова. – М.–Л.,1956. – С.209
45. Там же С. 196
46. Там же. –С. 208
47. Там же. – С.167
48. Там же . – С. 233–234
49. ПСРЛ. Т. 19 (Казанский летописец) – С.606 ; Будовниц И.У Русская публицистика XVI в.– М.Л., 1947. – С. 191–198
50. Будовниц И.У. Указ. соч.– С. 200
51. Там же. – С. 204
52. Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. –М.,1958 . – С. 210–211
53. Казанская история. – С. 53
54. Курбский А. Сказания князя А.Курбского. – СПб, 1842. –С. 21
55. Сб. РИО. Т. 41. – С.116

56. ПСРЛ. Т. 13 (Царственная книга) – С. 465
57. Продолжение древней Российской бивлюофики. Т. 8
58. ПСРЛ. Т. 13. – С. 481
- 58а. Хрипкова А.Г. , Колесов Д.В. Мальчик, подросток, юноша. –М. 1982 . – С. 111
59. ПСРЛ. Т. 13. – С. 476
60. К 350 летию покорения Казани. Подлинная о Казанском походе запись Царственной книги 1552 г. – М. 1902. – С. 14
61. ПСРЛ. Т. 13. – 506
62. Там же. –С. 501
63. Там же. – С. 499
64. История Татарской АССР. – Казань, 1955. – С. 112
65. ПСРЛ. Т. 13. – С. 501, 504; К 350 летию покорения Казани... – С. 63,70, 73, 84 и др.
66. Казанская история . – С. 127
67. ПСРЛ. Т.13. – С. 498
68. Там же. – С. 498
69. Там же. – С. 505
70. Кафир – не мусульманин, шагит – убиенный за свою религию.
71. ПСРЛ. Т. 13.. – С. 503, 505 и др.
72. Там же. –С. 513
73. Курбский А. Сказание князя Курбского о покорении Казани. // К 350 летию покорения Казани... –С. 122
74. Курбский А. История о великом князе Московском // РИБ (Русская историческая библиотека) Т. 31. – С. 190–191
75. Курбский А. Сказание князя Курбского... – С. 124
76. Там же. – С. 125
77. Там же. – С. 132
78. Там же. – С. 134–135
79. Соловьев С.М. История России с древнейших времен.– Кн.3,Т.5. – М.1989 . –С.365
80. Вельяминов – Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – С. 6
81. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско–татарские памятники в Казанкой губернии . – Казань, 1877.–С. 75
82. Иловайский Д.И. История России.– М.,1890. – Т.№.– С. 623
83. Татищев В.Н. История Российская. – Кн. 1, Ч.1.– М.,1768 .–С. XII

84. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве.– СПб.,1905 .– С.554
85. Моисеева Г.Н. Археологический обзор //Казанская история. –М.– Л., 1954. –С. 20–21
86. Казанская история. – С. 44
87. Моисеева Г.Н. Казанская история. – С. 12
88. Кунцевич Г.З. Указ. соч. – С. 555
89. Моисеева Г.Н. Указ. соч.– С. 15–16
90. Казанская история . – С. 44
91. Там же. –С. 46
92. Там же. –С. 47
93. Там же. – С. 53
94. Там же. –С .59
95. Там же. – С. 63
96. Там же. – С. 65
97. Там же .– С. 69
98. Там же . – С. 78
99. Там же. – С. 80–81
100. Там же. – С. 82
101. Там же . – С.96
102. Там же. – С. 97–102
103. Лызлов А. Скифская история. – М.,1990 . –С. 48
104. Казанская история . – С. 47
105. Лызлов А. указ. соч. –С.117
106. Чистякова Е.В. Андрей Иванович Лызлов и его книга «Скифская история» //Лызлов А. Скифская история. – М.,1990. –С.360
107. Лызлов А. Указ. соч.– С. 49
108. Материалы по истории татарского народа . –Казань,1995.–С.132
- 109.. Казанская история. – С.48
110. Лызлов А. Указ. соч. – С. 47
111. Там же.
112. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. –Казань, 1995
113. Лызлов А. Указ. соч. – С. 55
114. Там же . – С.63
115. Там же. – С. 75
116. Материалы по истории Татарской АССР.– Л.,1932
117. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовая книга г.Казань.

ни –Л., 1932 –С.1.

118. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства– Казань, 1923–1990.– С. 265; На стыке континентов и цивилизаций. Москва, 1996. – С.732.

119. Фукс К. Краткая история города Казани.– Казань, 1817 . –С 1.

120. Писцовая книга. – С. 9–10

121. Там же.– С. 4

122. Там же. –С.12

123. Там же.–С. 44

124. Там же.– С. 44.

125. Хованская О.С. Археологические наблюдения на улицах Казани за 1947–1949 гг. //Казань, 2001.– № 1.– С.103 и др.

126 Писцовая книга .– С.57.

127. Там же.– С. 56–71.

128. Там же.– С 13.

129. Богдановский М. Инженерно– исторический очерк осады Казани в 1552 году . // Инженерный журнал. 1898.– № 8–9 .–С 1168

130. Писцовая книга. – С.14,25,35

131. Там же .–С.190

132. Там же.–С.181.

133. Там же.–С. 48.

134. Там же.– С. 13–14

135. Там же.–С. 50–51

136. Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв) Под редакцией С.Х. Алишева – Казань, 1993. –С.85–89

137. Переписная книга г. Казани 1646г. // Материалы по истории Татарской АССР.– Л. 1932. –С. 193–195

138. Там же .–С.196

139. Там же. –С. 201–208

140. Там же . –С. 73

141. Там же . – Сю120

142. Источники по истории Татарстана.– Казань, 1993. – 161 с.; Источники по истории Татарстана. Под редакцией С.Х.Алишева. –Казань, 1994. – 124 с.

143. Кордт В. Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Карта 1.– Киев, 1906

144. История Казани. Т.1. –Казань, 1988.

145. Алишев С. О карте 1525 года // Эхо веков. – май 1995 г. – С. 215–217
146. Рыбаков Б.А. Русские карты Московии. – М., 1974
147. Меховский Матвей. Трактат о двух сарматиях. – М.– Л., 1936
148. Меховский М. Указ. соч. – С. 47, 68–70
149. Там же. – С. 1
150. Там же. – С. 92
151. Там же. – С. 116
152. Барбаро и Контарини о России. – Л. 1971 – С. 159
153. Там же. – С. 158
154. Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988 – С. 170
155. Там же. – С. 171
156. Там же. – С. 167
157. Из глубины столетий. – Казань, 2001. – С. 236
158. Герберштейн С. Указ. соч. – С. 167.
159. Гваньини Александр. Описание Московии. – М., 1997. – С. 11
160. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – Л., 1937. – С. 168
161. Там же. – С. 168–169
162. Там же – С. 169
163. Там же. – С. 264–285
164. Штаден Генрих . О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. – Л., 1925. – С. 113–114
165. Там же. – С. 114
- 166 Там же
167. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. – М., 1982

Содержание

Предисловие	3
1. Русские летописи по истории г. Казани XIII–XV вв.	6
2. Русские исторические сочинения о Казани в XVI в.	20
Рукописные публицистические работы	20
Царственная книга	24
Сказание князя Андрея Курбского о покорении Казани	28
Казанская история или Казанский летописец	31
«Скифская история» Андрея Лызлова	40
3. Писцовая книга Казани 1565–1568 гг.	46
4. Переписная книга Казани 1646г.	55
5. Казань на страницах иностранной печати.	60
Примечания	69

